

АСПЕКТЫ

Джон М. Форд

Великий писатель.
Истинный чертов гений.

НИЛ ГЕЙМАН

FAN|ZON

Fanzon. Fantasy World. Лучшее современное фэнтези

Джон М. Форд

Аспекты

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Coe)-44

Форд Д.

Аспекты / Д. Форд — «Эксмо», 2022 — (Fanzon. Fantasy World.
Лучшее современное фэнтези)

ISBN 978-5-04-195614-1

«Аспекты» — последний роман великого Джона М. Форда, так и не опубликованный при его жизни. Ни на что не похожая история в жанре фэнтези, наполненная политикой, мечами и волшебным огнестрельным оружием, древними цивилизациями и безостановочным движением прогресса. Потерянное произведение мастера наконец-то найдет своего читателя. Запретная любовь. Буйство магии. Техническая революция. Монархия, которой приходит неотвратимый конец. Мир меняется. Страна встает против королевской семьи, намереваясь разрушить монархию и построить республику. Тонкая и опасная задача, которая сопровождается политическими интригами в залах Парламента и борьбой за власть между и дворянами, и магами, и сторонниками реформ... вплоть до того, что даже боги решают вмешаться, отдавая предпочтение старым иерархиям. На фоне политических потрясений разворачивается история двух влюбленных, разделенных ненадежной новой системой... и женщины, которая пытается найти помощь, необходимую ей для контроля собственных сил, но она никому не нужна, ибо наступило время борьбы за власть. За несколько лет до своей неожиданной смерти Джон М. Форд написал фэнтезийный роман о магии, не похожий ни на один другой. Политика и отрекшиеся от престола короли, мечи и колдовские пулеметы, предсказания и древние империи — все есть в этом романе, который автор оставил без финала. «Без сомнения, лучший писатель Америки». — Роберт Джордан «Великий писатель. Истинный чертов гений». — Нил Гейман «Поэтическое колдовство и дуэли аристократов еще никогда не казались такими реалистичными». — The Strand Magazine «Даже будучи незаконченной, эта книга заслуживает того, чтобы стоять на полке рядом с Кейбеллом и Эддисоном, Полом Андерсоном и Майклом Муркоком». — Locus «Поклонникам Джорджа Р.Р. Мартина и Аврама Дэвидсона стоит поторопиться, чтобы познакомиться с произведениями этого

одаренного писателя». — Publishers Weekly «Роман о Истории и историях — многочисленных древних историях, которые рассказывают персонажи. Он полон поэзии — Форд был поэтом, хорошим поэтом, и поэзия повсюду — прелестная вилланель прокрадывается в начале, сонеты предваряют каждую главу, и везде раскиданы другие отрывки. Он о политике, справедливости и том, как заставить поезда работать. Он о еде. Об одежде. О языке. О разговорах». — Black Gate «Галерея персонажей достойна произведений Диккенса, а их характеры передаются в красочных и искрометных диалогах». — Locus «Чрезвычайно приятный роман, прекрасно написанный, тщательно детализированный, интеллектуальный и очень мудрый». — Black Gate

УДК 821.111-312.9(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-195614-1

© Форд Д., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Предисловие	7
I	7
II	8
III	10
IV	11
V	12
Аспекты	13
I	13
Глава 1	13
Глава 2	48
Конец ознакомительного фрагмента.	70

Джон М. Форд

Аспекты

John M. Ford

Aspects

Copyright © 2022 by The Estate of John M. Ford. Published by arrangement with Tom Doherty Associates.

All rights reserved.

© А. Питчер, перевод на русский язык, 2024

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2024

Предисловие

I

Окончен день, и умолкают стоны,
Покой при догорающем огне.
Прижатые у горла стынут пальцы,
И поцелуй несет тебе земля.
Проснешься завтра или никогда;
Ничто тебя не слышит в темноте¹.

Это написал Джон М. Форд. Это последний станс секстины, стихотворной формы, состоящей из шести стансов по шесть строк; во всех стансах повторяются одни и те же рифмы, но в разном, строго предписанном порядке. Форд написал секстину, вдохновленный какой-то фразой из моего «Песочного человека» – жемчужина, отыскавшаяся в мейле, написанном по совершенно другому поводу.

---

¹ Здесь и далее стихи в переводе Н. Герн.

II

Джона М. Форда друзья звали Майком, и я, по счастью, мог считать себя его другом.

Майк Форд был похож на добродушного весельчака. С возрастом его брови разрослись, будто усики насекомого, нащупывающего бесконечность. Он был человеком с мягкими манерами, как обычно говорят о репортерах, которые на самом деле Супермены, и это описание ему очень подходило, ведь все его друзья и без того подозревали, что втайне он если и не Супермен, то какая-то особая разновидность человека, намного умнее и мудрее обычных людей.

Майк умер в одиночестве, от внезапного инфаркта, в 2006 году. Его смерть стала невероятным потрясением. Ему было всего сорок девять. Казалось, у него еще все впереди.

Он передавал мне «Аспекты» по главам в течение нескольких лет; при каждой встрече либо вручал мне распечатку очередного отрывка, либо извинялся за свою медлительность (причины были уважительными, например пересадка почки) и обещал передать очередную главу в следующий раз.

Майк умер четырнадцать лет назад. Мне очень не хочется писать это предисловие, ведь взяться за него значит признать два факта, в которые инстинктивно отказываешься верить.

Во-первых, что Майк действительно умер, окончательно и бесповоротно; а во-вторых, что его последний роман, «Аспекты», так и останется неоконченным.

Да, знаю, это магическое мышление, и все равно я верю, что пока предисловие не дописано, пока неоконченная рукопись «Аспектов» не опубликована, факты могут оказаться ошибкой.

В глубине души я знаю – так же твердо, как знаю, что завтра снова взойдет солнце, – что совсем скоро мне предстоит автограф-сессия в магазине «Дримхейвен букс» в миннеаполисовском районе Динкитаун, и примерно за полчаса до окончания туда придет Майк, порогнется на книжных полках, побеседует с людьми, а потом, когда сессия закончится, мы с ним отправимся куда-нибудь поужинать (скорее всего суши) и побеседуем, причем говорить будет в основном Майк (за что я ему безмерно признателен), а под конец он вытащит из кармана пиджака последние главы «Аспектов», и я с благодарностью возьму их и подвезу его до дома, который служит ему офисом и где по рельсам, проложенным вдоль стен, бегает игрушечный паровозик.

За ужином я многое для себя открою. Я учусь задавать вопросы, потому что в ответ Майк объясняет мне то, чего я не знаю. Он очень эрудированный собеседник и в разговоре плавно переходит от высоких жанров к низким. Он способен переключиться с обсуждения кино и телевидения на Марло и Шекспира, а вдобавок совершить краткий экскурс в квантовую физику или малоизвестную экономическую теорию, и все это в пределах развития одной мысли. Может быть, он мельком вспомнит какой-нибудь интересный случай из своей биографии, и мне посчастливится услышать рассказ о том, как Майка в юности пытались завербовать спецслужбы, считая его вундеркиндом...

Он рассказывает только о тех эпизодах своей жизни, которые считает возможным упомянуть в разговоре с конкретным собеседником. Обо всем остальном он говорит уклончиво и туманно.

Но книжный магазин «Дримхейвен букс» давно переехал из Динкитауна, я давно уже не провожу автограф-сессий, а вдобавок сейчас, когда я пишу эти строки, в мире свирепствует ковид – и я необъяснимым образом волнуюсь за Майка Форда, у него всегда было слабое здоровье и поэтому ему необходима самоизоляция. (Он умер, напоминая я себе, ему не нужна самоизоляция, он ни от кого и ничем не заразится... но я все равно волнуюсь.)

Если честно, я вполне рационально отношусь к смерти других моих друзей. Я горюю, смиряюсь и привыкаю, что их нет. Мне грустно, что с ними больше не поговоришь, но я не

ощущаю их присутствия. А вот Майк словно бы вышел из комнаты на полуслове, и я все время жду, что он вот-вот вернется. Карло Ровелли², физик-теоретик и автор нескольких книг, рассказывает: Эйнштейн в письме к жене покойного коллеги уверял, что ее муж не прекратил существование, что он все еще живет и работает, но в прошлом, куда ей нет доступа. (Действительно, как сказал Л. П. Хартли³, прошлое – это другая страна. Вот только нам в нее не попасть. Ее жители не умерли – они живут там, в своей стране, но не могут ее покинуть и приехать к нам. Границы закрыты.)

Иногда я перечитываю мейлы, которые Майк посылал мне, хотя вообще-то никогда не перечитываю старую переписку. Но никто из моих корреспондентов не мог, заметив опечатку в приглашении на вечеринку у костра, сделать из этого пьесу в стихах, а потом, как бы между прочим, собрать труппу талантливых людей и пьесу эту поставить. А Майк так и поступил.

Ну вот. Я прервал работу над предисловием и перечитал все сохранившиеся письма от Майка, после чего заглянул в YouTube, чтобы посмотреть последние две минуты телесериала «Заключенный» – мне захотелось ответить на какое-то замечание Майка и надо было освежить кадры в памяти...

И тут я снова вспомнил, и всегда вспоминаю, что ответить ему я больше не могу. Зато я отыскал секстину, которую он мне прислал, вдохновленный строкой из «Песочного человека», и мне показалось, что последний станс очень подходит для начала этого предисловия. Вот так.

---

² Карло Ровелли (р. 1956) – итальянский американский ученый, специалист в области квантовой гравитации, историк и философ, автор ряда научно-популярных книг; на русском опубликованы «Семь этюдов по физике», «Срок времени», «Нереальная реальность: путешествие по квантовой петле», «Краткая теория времени» (*здесь и далее прим. перев.*).

³ Лесли Поулз Хартли (1895–1972) – английский писатель, мастер жанра «история с привидениями»; «Прошлое – это другая страна; там все иначе» – цитата из романа «Посредник» (1953), пер. М. Загота.

III

В юности я мечтал стать молодым талантливым автором. Тем, кто еще в двадцать с небольшим напишет свой первый великий роман. Мои мечты не сбылись, но это даже к лучшему, ведь мне нечего было сказать.

А Майку было что сказать. Он и говорил. Ему было семнадцать, когда опубликовали его первые рассказы и стихотворения, и двадцать два, когда вышел его первый роман, «Сеть ангелов». Этот протокиберпанковский роман, в котором существует вполне убедительная киберсеть, увидел свет в 1980 году, за четыре года до «Нейроманта» Уильяма Гибсона.

Я познакомился с Майком Фордом – кстати, инициал М. означает Майло, а не Майкл – в Бирмингеме, в 1984 году, на конвенте. Он прекрасно шутил, но не так, как обычно шутят писатели. Он произносил отточенную остроту, ироничное замечание или хлесткую реплику в самый нужный момент (в отличие от меня), а не две недели спустя. Говорил он тихо, не уязвляя собеседника и не перехватывая лидерство в разговоре, но делал это с виртуозностью первоклассного комика. Мы подружились. Вскоре после нашего знакомства, в том же 1984 году, Майк стал лауреатом Всемирной премии фэнтези за свой роман «Дракон не дремлет» (в книге нет никаких драконов, точнее, дракон в названии – это символ Уэльса).

Всякий раз, когда Майк приезжал в Великобританию – обычно в августе, на фестиваль фолк-рок-музыки «Фэйрпорт Кропреди конвеншн», – мы встречались за обедом или за ужином, беседовали, и я многому учился.

Мы начали переписываться еще в то время, когда существовали пишущие машинки, почтовые марки и авиапочта. В одном из писем Майк объяснил мне, как писать секстины, составив само письмо в форме секстины.

Он писал гениально, для читателей, которых считал такими же гениальными, как и он сам.

После романа «Дракон не дремлет» Майк опубликовал две книги в межавторском цикле «Звездный путь» – «The Final Reflection», об опыте первого контакта клингонов, и «Сколько за планету?», музыкальный фарс под видом научно-фантастического романа. Среди персонажей романа выведен и я, под анаграмматическим псевдонимом. Мой персонаж исполняет, как мне кажется, лучшую песню в книге.

Когда я решил переехать в США, то выбрал Миннеаполис в значительной мере потому, что там жил Майк.

Он был моим лучшим читателем. У каждого автора есть лучший читатель или надежда его отыскать. Это ваш знакомый, который прочтет вашу книгу и поймет, о чем она и что именно вы хотели сказать, а еще отметит все ваши недочеты и сжато, но точно объяснит, как их исправить.

IV

Как я уже упоминал, главы «Аспектов» я читал по мере их написания. Майк всегда лично вручал мне рукопись, как бы между прочим, и всякий раз настаивал, что знакомиться с ней совершенно необязательно, а еще выражал надежду, что я не расстроюсь из-за допущенных им ошибок. Ни одной ошибки я так и не заметил. Может, их и вовсе там нет.

А книга мне очень понравилась.

Она начинается с дуэли и, как я думал, читая первую главу, действие происходит лет 150 тому назад где-то в Европе, в каком-то воображаемом месте наподобие того, о котором писал Аврам Дэвидсон⁴. Но по мере чтения оказалось, что это совсем другое.

Возникало ощущение, что Майк создает что-то новое в фэнтези, где ничего нового просто не бывает. Примерно такой была бы «Игра престолов», если бы ее автор обожал поезда и железные дороги. Действие происходит в месте, которое напоминает Европу XIX века примерно в той же степени, в какой Вестерос напоминает Британию XV века. Речь в романе идет, как мне представлялось, о политике и общении, о магии, об искуплении и о том, какие формы принимает любовь. По виду он похож сам на себя, как говорил Марк Антоний о крокодиле, а слезы у него мокрые⁵.

У меня сразу же возникло множество вопросов к Майку – о персонажах, о месте действия, о том, чем эти люди похожи на нас и чем от нас отличаются. В этом романе о жизни и о любви, о поездах, о правительстве и о смерти есть и элементы научной фантастики, и хорошо прописанное устройство альтернативного мира.

Тогда я решил, что дождусь последней главы и задам Майку все свои вопросы после того, как дочитаю роман до конца.

И лишь потом, когда выяснилось, что последней главы не будет, я сообразил, что надо было задавать вопросы по мере их возникновения. Майк всегда с удовольствием отвечал на мои вопросы.

---

⁴ Имеется в виду трилогия американского писателя Аврама Дэвидсона (1923–1993) «Маг Вергилий».

⁵ Уильям Шекспир, «Антоний и Клеопатра», акт II, сцена 7 (пер. М. Донского).

V

Майк умер четырнадцать лет назад. Одиннадцать лет назад я дал согласие написать это предисловие, а год назад должен был отправить его редактору.

Я берусь за предисловие, но тут же робею, как пугливый жеребенок, и переключаюсь на что-нибудь другое. Часто это другое непосредственно связано с «Аспектами» – я перечитываю старые мейлы Майка или саму книгу. Хотя она и не окончена, в ней есть почти все. Финал и продолжение можно вообразить...

Может быть, меня сдерживает внутреннее убеждение, что если я хорошо напишу это предисловие, то оно не понадобится. Мы перейдем на другие рельсы и окажемся в другой реальности, где Майк закончил эту книгу и написал остальные романы в задуманной им серии «Аспекты».

Увы, как бы хорошо я ни писал, Майк умер и живет в своей стране, в прошлом. А эта книга – то, что он нам оставил.

Нил Гейман

Апрель 2021

Аспекты

I

Осенние игры

*Опав, безмолвно листья улеглись,
Пока под чьим-то шагом проишуршат.
Письмо назад мою вернуло мысль -
Бумаги хрупкость, букв изящных ряд.*

*Иной сезон иные изберут,
Туман весны, шольский ветерок,
Степенный зимний холод и уют,
Кто выбрал все, но удержать не смог.*

*Но в письмах, среди умственных забав,
Мы длили осень и ее устав.
Вот в мыслях снова осень, снова ты,*

*Как лета запоздавшего тепло,
Как яркие осенние листья,
И это тоже ветром унесло.*

Глава 1

Город и одиночество

Говорят, если человек собирается умереть, то лучше умирать утром, когда день нов, чист и полон вопросов, на которые невозможно ответить, когда солнце только встало, чтобы пролить свет на все ночные дела. А еще говорят, если человек собирается умереть, обстоятельства его смерти не имеют значения.

На это утро, в мерклень, в Листуреле, столице республики Лескория, в двадцать пятый день месяца Пастыря, за три дня до начала праздника Равноденствия, то есть за шесть дней до собственно осеннего равноденствия, была назначена дозволенная законом дуэль. Она должна была начаться ровно в семь утра, и максимум к половине восьмого тот, кто придерживался определенных воззрений на утро и на смерть, убьет того, чьи воззрения были иными.

Утро выдалось ненастным, похолодало на месяц раньше, а с эстуария налетал ветер, хлесткий, как пощечина. Небо выглядело комковатым и каким-то скисшим, а вдобавок еще и закопченным, ведь из-за промозглой погоды каминные дымоходы затопили прежде, чем их хорошенько прочистили; пахло креозотом, к вечеру неминуемо загорится сажа в трубах, а цена мытого угля на городской бирже впервые за долгие годы превысила две золотые марки за телегу.

Потускневший золоченый купол листурельского кафедрального собора больше напоминал старую медь, медный купол Национальной галереи позеленел, будто от плесени, а стеклянные панели пакгаузов Гранд-вокзала, мутные от клубящегося под ними тумана, походили на вздувшиеся волдыри. В такие дни простые жители с затаенной тоской мечтали о возвращении короля на лескорийский престол, ведь королевское слово способно очистить дурной воздух

и развеять ядовитые миазмы. Правда, на памяти нынешних лескорийцев ни один король не занимал престола, что придавало мечтам особую одухотворенность.

Сейчас было без двенадцати миним семь, и участники дуэли понемногу собирались в сквере у парка Ив, в западной части Листуреля, к югу от фешенебельного квартала Среброшвеек. С четырех сторон сквер окружали высокие дома, в одном из которых размещалось консульство крошечной островной республики, а в центре зеленела лужайка, обнесенная чугунной оградой. В сквере там и сям росли плакучие ивы с уже желтеющей листвой и всевозможные кусты, а еще был неухоженный розарий. За оградой столпились зеваки, школяры с учебниками под мышкой и любопытные торговцы. Жители окрестных домов деликатно выглядывали из окон верхних этажей. Участники предстоящего действия собрались на лужайке.

В дозволенной законом дуэли принимало участие много людей. Секундантами были две молодые женщины в цилиндрах и в длинных зимних плащах, под которыми виднелись фраки – синий и зеленый. Обе печально переглядывались, но друг с другом не заговаривали. Женщина в синем фраке держала в руках узкий кожаный футляр и не столько курила, сколько жевала толстую черную сигару. Главный распорядитель дуэли был одет в темно-зеленый камзол, перехваченный на поясе ремнем; на груди криво болталась церемониальная серебряная цепь. Белый шарф, повязанный на шелковой шляпе, уныло трепетал на влажном ветру. Распорядитель постукивал по земле тростью с набалдашником слоновой кости, то ли от скуки, то ли от нетерпения, то ли от того и другого. Рядом с ним стоял мальчик в куртке и фуражке, с жетоном на груди и деревянной шкатулкой под мышкой.

За спиной распорядителя маячил пристав в красном мундире с серебряными галунами и серебряными пуговицами на кителе; на голове черная кожаная шляпа, на ногах черные сапоги, на одном плече аксельбант, а на другом, будто для равновесия, ремень магазинного карабина. Все с неприязнью поглядывали на карабин, а пристав с такой же неприязнью смотрел на всех.

Чуть поодаль к стволу ивы прислонилась врач в длиннополой бордовой визитке, с багряным галстуком; на голове у нее красовалась лихо заломленная белая меховая шапка. Из жилетного кармана свешивался золотой брелок-розетка, знак принадлежности к гильдии чародеев. В делах подобного рода чародеи обычно исполняли роль наблюдателей и старались держаться как можно незаметнее. Гильдия поощряла такую практику, дабы пресечь слухи, будто чародеи за деньги помогают недобросовестным дуэлянтам.

Были здесь и два репортера, одетых затрапезнее остальных: один в кургузом драповом сюртучке, с хлопчатобумажным шейным платком и в котелке, а второй в кожаной тужурке машиниста и в фуражке; за неимением галстуха он обмотал шею замызганным шелковым шарфом. Первый представлял газету «Вечернее обозрение», а тот, что в тужурке, – «Северную звезду». По окончании дуэли северозвездинец сядет на товарный поезд и повезет репортаж в редакцию, как раз к вечернему выпуску – не придется тратить на магнограф, да и статью никто не покромсает. Он достал карманную фляжку и угостил коллегу виски. Дуэль предстояла не из обычных; тут не годился текст со стандартными формулировками, куда можно вставлять имена любых участников. Один из дуэлянтов – корон и парламентарий, так что его смерть стала бы главной новостью, особенно на севере, где как раз и находился его коронат.

По традиции дуэлянты явились последними. Молодой кавалерийский офицер по имени Ферт пересек сквер, вошел за ограду, на ходу скинул плащ на руки своей секунданте и потянулся всем телом, тряхнув каштановыми волосами, стянутыми на затылке в хвост. Ветер теребил жабо его белой льняной сорочки.

Из-за ивы сделал шаг вперед корон Варис – высокий, темноволосый, очень худой человек в синевато-стальном фраке и серых брюках. Он снял фрак, аккуратно сложил его и передал своей секунданте, затем поправил подтяжки и чуть ослабил темно-синий галстук, но развязывать его не стал.

Ветер усилился, ивы зашелестели. Говорят, богиня Корис сотворила ивы, пребывая в глубокой печали. В нескольких кварталах от сквера часы на башне пробили семь.

Распорядитель дуэли произнес:

– Досточтимые господа, у вас еще есть время уладить либо смягчить ваши разногласия мирным путем. Напоминаю, что нанесенное оскорбление признано смертельным, но даже великим людям не зазорно удовлетворяться меньшим. Пойдете ли вы на уступки?

Закон требовал от распорядителя этих слов, но не мог диктовать, чтобы он произнес их с искренним чувством.

– Оскорбление нанесено, – заявил лейтенант Ферт. – И оно не изменится оттого, что его признают менее оскорбительным. Я не отступлю от своих намерений.

Варис молча кивнул.

– Что ж, вынужден напомнить вам, что начатое таким образом будет таким же образом завершено, – сказал распорядитель и дал знак своему помощнику.

Мальчик раскрыл деревянную шкатулку. Распорядитель вынул из нее тяжелый старинный пистолет, однозарядный, вручную набитый порохом. Закон не настаивал на его применении.

– Я – орудие завершения, – изрек распорядитель традиционную фразу.

Дуэлянты, смотревшие на распорядителя, перевели взгляды друг на друга.

– Скольких человек вы убили, лейтенант? – неожиданно спросил Варис. – Я убил двоих, при сходных обстоятельствах: в парке Трубачей – юношу, а в эстуарии – прелестную молодую женщину. Кстати, она тоже была лейтенантом кавалерии.

– Значит, я буду отстаивать не только свою честь, – заявил Ферт.

– Убитая этого не заметит, – сказал Варис.

– Вам меня не запугать, – дрогнувшим голосом произнес Ферт. – Как бы ни алел от крови ваш стилет, – добавил он, испытующе глядя на Вариса.

Лицо корона не изменилось.

– Я вас не запугиваю, а объясняю, что для меня это дело привычное. Мне вовсе не хочется вас убивать, лейтенант.

– Это ставит вас в невыгодное положение, – ответил Ферт, но не вызываяще, а просто констатируя факт.

– Что ж, – сказал Варис, – вам как... оскорбленной стороне надлежит выбрать оружие.

Он дал знак своей секунданте. Она загнала сигару в уголок рта и раскрыла кожаный футляр. Внутри, на бархатной подложке, тускло поблескивали четыре клинка.

– Сабли или рапиры, лейтенант?

О пистолетах никто не упоминал. Все присутствующие, кроме, пожалуй, репортеров, принадлежали к благородному сословию; их возвышенный аспект не позволял стреляться ради удовлетворения задетой чести. Пистолет распорядителя дуэли предназначался для другого.

Ферт осмотрел клинки:

– Прекрасное оружие, корон.

Варис рассеянно кивнул.

– Рапиры, – сказал Ферт.

Он выбрал тонкий прямой клинок с простым крестообразным эфесом, безо всяких украшений, проверил, хорошо ли он сбалансирован, и отошел в сторону. Варис взял такую же рапиру.

– В случае чего доложите Извору, – сказал он своей секунданте.

Она кивнула, бросила окурки сигары на землю и растерла его сапогом.

Распорядитель дуэли поднял трость горизонтально.

Варис и Ферт встали по обе стороны и скрестили над тростью кончики рапир.

Трость резко опустилась. Клинки, дуэлянты, да и весь сквер застыли в промозглом воздухе на несколько инстант, на пол-удара сердца, а потом раскатом грома загремела сталь.

Противники сошлись и в первые минимы держались на ближней дистанции. Лейтенант блестяще отбивал удары и делал выпады, легко переступая из стороны в сторону и пытаясь кольнуть Вариса. Корон почти не сходил с места; его уколы и выпады были непринужденными и прямыми, легко уловимыми для глаза и предсказуемыми для руки. Щелк, звяк, ш-шух, вжик – дуэлянты двигались слаженно, будто в постановке спектакля «Король Зарго» под открытым небом. Куда бы Варис ни устремлял рапиру, ее встречал клинок Ферта.

А потом вдруг не встретил. Кончик рапиры Вариса вонзился в левое плечо Ферта, и на белом льняном полотне выступила кровь. Варис выдернул клинок и снова занял боевую стойку. Ферт повторил его маневр. Они продолжили бой, сойдя с узкой садовой дорожки, и шагом двинулись по кругу; сталь хлестала по воздуху. Лейтенант больше не фехтовал, а сражался, стараясь найти лазейку в защите противника и нанести колющий удар. Ферт вскочил на каменную скамью, рубанул воздух и снова спрыгнул на землю.

Варис отпрянул, отбил удар круговой защитой и вроде бы оступился. Ферт ринулся вперед, с геометрической четкостью очерчивая смертоносную атаку. Клинок со свистом рубанул воздух.

Раздался резкий звон – рапира Ферта упала на плитки садовой дорожки. Из рассеченного правого плеча лейтенанта хлынула кровь. Варис стоял так далеко от противника, что лишь окровавленное острие рапиры указывало на причастность корона к ране.

Ферт посмотрел на Вариса, на его клинок, покосился на свою рапиру, отлетевшую в сторону, и нерешительно сделал шаг. Под сапогом захлопала кровь. Варис молча ждал.

Лейтенант повернулся и бросился наутек.

Распорядитель дуэли направил пистолет в спину беглеца. Варис подступил к распорядителю, едва заметно шевельнул рапирой – и кончик клинка отвел дуло пистолета вверх как раз в тот миг, когда прозвучал выстрел. Пуля ушла в ветви ивы, из кроны выпорхнула стайка воробьев.

– Прошу прощения, – негромко сказал Варис. – Я смазал вам прицел.

– Ничего страшного, – ответил распорядитель, проверяя, не оцарапан ли пистолет. – Будем считать, что все разрешилось?

– Да, к моему полному удовлетворению.

– Согласен. – Распорядитель вложил пистолет в шкатулку, раскрытую помощником, затем поправил плащ и шляпу с белым шарфом. – Дамы и господа, приношу искренние извинения, но у меня еще одно дело подобного рода, ровно в восемь. Доброго вам пути к Богине.

– И вам доброго пути, – хором ответили остальные.

Варис молча кивнул, а репортер в кожаной куртке помчался к товарному поезду.

Распорядитель вместе с помощником и приставом покинули площадь. Немного погодя врач откланялась и тоже ушла.

Сидя на садовой скамье, Варис чистил клинки ветошью, смоченной в лимонном соке.

– Великолепно сработано, – сказала ему секундант лейтенанта Ферта.

Ее щеки покраснелись, возможно, от холода.

– Спасибо, – ответил Варис.

Она с поклоном удалилась.

Репортер «Вечернего обозрения» вытащил блокнот и авторучку.

– Изумительный поединок, милорд, просто изумительный. Скажите, корон, вы служили в армии?

– Нет. – Варис вытер клинок насухо и вложил в футляр. – Я почти всю жизнь провел в парламенте. – Он посмотрел на репортера и едва заметно улыбнулся. – Там тоже своего рода фехтование.

Репортер не сразу понял шутку, но потом все-таки рассмеялся:

– Ах, прекрасно сказано, милорд! Великолепно! Спасибо.

Он что-то записал в блокнот и отошел.

Секунданта Вариса раскурила новую сигару.

– Почему вы ему это сказали, милорд?

Варис убрал второй клинок и защелкнул футляр. Секунданта, из отставных военных, была знакома Варису; она приняла участие в дуэли по рекомендации Извора.

– Потому что он репортер, – дружелюбно объяснил Варис. – Ему надо было о чем-то написать. Теперь он сможет меня процитировать, и ему не придется ничего выдумывать.

Он откинулся на спинку скамьи, чувствуя, как пот холодит кожу сквозь сорочку, и посмотрел за ограду. Зеваки – десятка два, не больше – уже начали расходиться. У прутьев остался только светловолосый мальчуган. Варис отдал ему честь, мальчишка отвернулся и убежал.

– Который час?

Секунданта сверилась с карманными часами.

– Двадцать пять миним восьмого.

– Девяносто пять миним до начала заседания... Розальда, найдите мне кэб, пожалуйста. Да, и еще...

– Слушаю, милорд корон.

– Если случится следующий раз, я с удовольствием возьму вас в секунданты. Но я все-таки надеюсь, что следующего раза не будет.

– Да, конечно, – ответила она немного озадаченно.

Варис думал, хотя и не мог бы объяснить Розальде, что скорее всего это была его последняя дуэль. Те, кто за этим стоит, провалили уже третью попытку и теперь наверняка попробуют что-нибудь новенькое.

Поскольку Розальду порекомендовал Извор, то она, возможно, и сама участвовала в дуэлях, либо, что вероятнее, часто выполняла обязанности секунданты. Она служила в лескорийской армии, а лескорийские солдаты не знают, что такое настоящая война.

Она четко, по-военному, подозвала двуколку. Варис перебросил фрак через руку и снова поблагодарил Розальду, которая теперь должна была доставить клинки к Варису домой, в квартал Целительного Камня. После этого, если не случится четвертой дуэли, Варис с Розальдой будут встречаться лишь на светских приемах, на ежегодном армейском балу и на благотворительных чаепитиях, где они с улыбками раскланяются и скажут: «Да, мы знакомы», – напоминая друг другу об общем секрете, а всем останется только гадать, что же их связывает.

– В парламент, – сказал Варис кэбмену, сел в двуколку и добавил в окошко: – К западному входу.

Кэбмен кивнул, ловко щелкнул кнутом, и экипаж покатил по серым туманным улицам.

Двуколка повернула на юг, оставив позади жилые кварталы, и въехала на оживленную трассу, проложенную вдоль Свежа, небольшой реки, впадающей в Гранд с запада. Варис рассеянно следил, чтобы кэбмен не отклонялся от маршрута, и обдумывал предстоящие вопросы, вынесенные на обсуждение в палате лордов. Сегодняшняя повестка дня включала семь пунктов – как обычно, перед парламентскими каникулами пытались завершить все скопившиеся дела. Одно утешение – дебаты проходили куда быстрее обычного.

Четыре дня до Равноденствия, думал Варис. Еще четыре дня – и он окажется в сорока маршах от города, в усадьбе Странжа, среди других гостей и друзей, вдали от парламента, политических дуэлей и ядовитой столичной атмосферы. Однако за играми, философскими спорами и чаепитием в осенних сумерках Варис все равно будет напряженно прислушиваться к щелканью магнографа, а потом, вернувшись на поезде под своды Гранд-вокзала, ощутит необъяснимое облегчение.

Кэб взял вправо и пересек Свеж по Новому Дворцовому мосту. Поставленные всего несколько лет назад железные опоры, выкрашенные зеленым, уже успели облупиться; наверняка следующей весной в парламент внесут предложение о его покраске. Варис мысленно напомнил себе, что не мешало бы проверить цену на свинцовый сурик. Справа виднелся Старый Дворцовый мост – теперь он предназначался исключительно для пешеходов. Прохожие гуляли по мосту и, несмотря на пасмурную погоду, любовались видами. Под центральной каменной аркой проплыла угольная баржа. Даже сейчас, пятьсот лет спустя, арки были на удивление прочными. Фундамент моста заложили кверцийские зодчие, еще шестью веками раньше. А Новый мост лет через сто скорее всего проржавеет насквозь, даже если его тщательно обмажут суриком.

Варис посмотрел в левое окно кэба. Позади, там, где Свеж впадал в Гранд, высился дворец, беспорядочно возведенное, но весьма впечатляющее сооружение – сумбурная смесь башен, фортеций, арок и контрфорсов, опоясанная остатками трех разновозрастных крепостных стен. Фундамент дворца, как и первое внутреннее кольцо, тоже построили кверки. С тех пор как империя распалась, каждый правитель Лескорики считал своим долгом добавить ко дворцу хоть что-нибудь, а что-нибудь обязательно сломать. Собственно говоря, в этом и была вся Кверция: разобранная на части, перезастроенная, перепаханная, перекопанная и взорванная, Блистательная империя все равно сохранялась и вокруг, и у тебя под ногами.

Кэб доехал до Южного Угла, где прибрежная кромка парковой зелени и жилые кварталы, заселенные горожанами среднего достатка, сдерживали наступление промышленной зоны, раскинувшейся на юге, а потом резко свернул на восток и, обогнув Сливовое Кольцо, пересек реку Гранд по высокому каменному мосту на металлических опорах, под которыми свободно проходили трехмачтовые шлюпы. Туман понемногу рассеивался, и чуть дальше к югу, вдоль эстуария, уже виднелся лес мачт и такелажа. Широкий тракт сменили городские улицы Восточной набережной, чопорные и проложенные по строгой сетке.

Точнее, эти улицы некогда были чопорными и проложенными по строгой сетке. Теперь же их заполнили тележки цветочниц, возки с пивными бочками, двуколки и кареты всех мастей (кэбмен фыркнул, и Варис, выглянув в окно, увидел, что какой-то болван перегородил всю улицу, пытаясь втиснуть в узкий переулок экипаж, запряженный четверкой лошадей), торговцы арахисом, свежей рыбой, сосисками, пирогами с угрем, бойкие зазывалы и усталые проститутки, доктора, совершающие обход, и уличные скрипачи, играющие за медный грош, священнослужители утрени, раскланивающиеся со священнослужителями обедни, работники ночной смены, идущие навстречу работникам дневной смены, идущим навстречу тем, кто богат настолько, что не работает, но изнемогает от усилий. Улицы пахли мукой и мочой, горными цветами, жареной свининой и дешевым пивом, оглашались криками разносчиков и детскими песенками, лошадиным ржанием и людскими стонами. Все они, обнесенные стенами высоких многооконных зданий и защищенные крышей из угольного дыма и магнографных проводов, были так спрессованы, что людскую массу можно было резать ломтями.

Как здесь вообще живут, думал Варис; как ощутить, что ты живой, пока ты здесь не жил?

Улицы стали шире. Появились деревья и геометрические фигуры лужаек, где зеленела трава, необычайно яркая на фоне серого города. Кэб проехал мимо парка Королей Кларити, все еще окутанного туманом, превращавшим парковые скульптуры в подобие кладбищенских памятников. По другую сторону парка, на Виноградном проспекте (последние виноградники росли здесь шесть веков назад, а теперь по фонарным столбам вились лозы кованого железа), стояло здание парламента: двадцать колонн украшали южный фасад, сорок широких мраморных ступеней вели к проспекту. В солнечную погоду здание выглядело очень белым и очень красивым.

Кэбмен, как и было велено, направил двуколку к небольшому дворику в западном крыле и остановился у неприметной двери.

– Сколько с меня? – спросил Варис, собираясь с мыслями и на выход.

– Три талера и четыре гроша, досточтимый господин.

Варис вручил ему четыре серебряных талера, прибавив, что сдачи не надо. Кэбмен отсалютовал хлыстом и уехал. Пройдя через пустынный сад, Варис позвонил в колокольчик. Привратник, укоризненно взглянув на сорочку и небрежно повязанный галстух посетителя, распахнул дверь. Стены скромно обставленного вестибюля, выкрашенные светло-зеленым, должны были давать отдых усталым глазам. Часы за стеклом показывали без шести миним восемь. Варис пожалел, что не оставил больше чаевых и не запомнил номер кэба. По дубовой лестнице он поднялся на второй этаж, хотя его кабинет находился на третьем. Из-за дверей вдоль коридора доносились негромкие звуки: позвякивали чайные чашки, шуршали газетные страницы, хрустели поджаренные хлебцы.

Варис постучал в дверь.

– Открыто, – слышалось изнутри.

Он вошел.

Главный лорд-парламентарий занимал кабинет в три раза больше обычного, но там все равно было тесно. На стенах прихожей, сплошь увешанных табличками, свитками и почетными грамотами, не оставалось свободного места; у огромного письменного стола стоял такой же огромный глобус. За дверью в противоположной стене виднелись вход в библиотеку и вход в зал заседаний. В зале заседаний, вокруг стола, обитого зеленым сукном, парламентарии проводили много времени, кромсая лоскутную конституцию республики Лескория, как хирурги, оперирующие безнадежного больного, пытаясь на живую нитку сметать нечто жизнеспособное, сильное и стойкое. Разумеется, хирурги либо сами были чародеями, либо могли пригласить чародеев, дабы силой мысли очистить дурную кровь, восстановить нарушенную работу внутренних органов и срастить сломанные кости. С законами и статьями конституции дело обстояло куда плачевнее: ущерб тут причинить значительно легче, а исправить его – намного труднее.

У окна, из которого струился бледный северный свет, на зеленом бархатном диване сидел Извор и читал книгу. Чуть поодаль стояла тележка с остатками завтрака и кипой утренних газет.

Пепельно-русые волосы Извора, гладко зачесанные назад с высокого лба и от висков, припорошила седина; длинные пушистые усы дополняли аккуратно подстриженную острую бородку. Очки в стальной оправе сползли на самый кончик крупного носа. Извор был одет в темно-серый, почти черный фрак и сизо-серые брюки. На льняной салфетке, прикрывавшей колено, лежала намавленная булочка.

Извор закрыл книгу и задумчиво посмотрел на булочку.

– У вас такой вид, будто вы всю ночь кутили напропалую.

– Если бы, – вздохнул Варис.

– Вы убили лейтенанта?

– Нет, ранил. И он сбежал.

– А распорядитель дуэли...

– Промахнулся. Мне надо переодеться.

– Не спешите. Выпейте чаю. И вот, угощайтесь... – Извор откусил от своей булочки.

Варис посмотрел на поднос с завтраком и сразу почувствовал, что голоден; перед дуэлью он лишь выпил чашку крепкого черного чаю. Он налил себе из чайника, не спрашивая, почему на подносе две чашки. На блюде, накрытом серебряным колпаком, лежала горячая копченая селедка. Извор ее терпеть не мог, но с дуэлями был знаком не понаслышке.

– Вы мне так и не объяснили, почему этот молодой человек так жаждал вас убить, – сказал он.

Копченая рыба обожгла Варису нёбо; он отпил чаю.

– Восемнадцатого числа я произнес речь о ценности кавалерии. Статский дармоед осмелится затронуть честь мундира, ну и так далее.

– Разумеется, честь мундира.

Варис удивленно изогнул бровь. Неужели Извор в это верит?

– Вчера вечером ваш приятель Винтерхольм доставил мне копию письма, в котором идет речь о лейтенанте Ферте и его внушительном карточном долге. Честь мундира, ну и так далее. – Он взглянул поверх очков на Вариса. – Я спросил бы, каким образом Винтерхольм добывает все эти сведения, но, боюсь, вы мне не ответите.

– Удачно, что Ферт – кавалерийский гвардеец, – сказал Варис. – Вряд ли он когда-нибудь видел кровь. А был бы настоящим фехтовальщиком, как двое до него, пришлось бы его убить.

– Мало кто из моих знакомых после начала поединка стал бы раздумывать, целесообразно ли убивать противника. – Извор доел булочку, отложил книгу и встал; он был рослым и дородным, на голову выше и в полтора раза шире Вариса. – Предупреждать вас бесполезно, но все-таки будьте поосторожнее в своих публичных высказываниях о лескорийских вооруженных силах.

– Я же показывал вам материалы о Сарманджае, и мою речь вы слышали, – сказал Варис. – Имперская конница была ничуть не хуже любой другой кавалерии – особенно нашей, которая вот уже девяносто лет не вела боев, – но когда они пошли в наступление против пехотинцев с ружьями, то потеряли семь всадников из каждых десяти, а остальные были так изранены, что атаковать противника не смогли. – Он опустил чашку на поднос. – О храбрости здесь речи нет. В наши дни на войне храбрость не требуется. Не моя вина, что у нас этого не понимают.

– Да здравствует мир, – вздохнул Извор.

Варис неожиданно усмехнулся.

– Похоже, вы не утратили чувства юмора, – сказал Извор. – Очень хорошо.

– Кстати, в письме о карточных долгах упоминаются еще какие-нибудь имена?

– Нет. А что, должны?

– Ферт заявил что-то об алой крови на моем стилете. По-моему, ему это подсказали.

– Вот оно что, – задумчиво протянул Извор.

Двести лет назад, на заре существования парламента, корон Алостилет играл в нем важную роль. Извора иногда называли вторым Алостилетом, и он ненавидел это прозвище. Тот, кто погасил карточный долг Ферта, скорее всего и велел лейтенанту произнести эту фразу. Разумеется, доказать это было невозможно, что и признал Извор.

– Между прочим, Винтерхольм принес письмо мне потому, что не смог вас найти. Вы были на Студеной улице?

– Нет, я был дома. Но я отпустил Хламма пораньше и, наверное, не услышал звонка.

– Винтерхольм решил, что вы отправились на Студеную улицу.

– В последнее время она ему покоя не дает. Видно, из-за названия.

– А вы давно к ним заглядывали?

– Недели две назад.

– А по-моему, вы уже несколько месяцев туда не наведывались, – сказал Извор.

– Все может быть. Ладно, мне надо переодеться перед началом заседания.

– О вас там часто спрашивают. Вы им нравитесь, Варис.

– Я регулярно оплачиваю все счета.

– Вы им нравитесь, – с мягким нажимом повторил Извор.

– Это радует. Но я пока не чувствую необходимости.

– Поздравляю.

– Извор, вы же знаете, за это время прошло шесть голосований по важным для нас вопросам, сегодня седьмое, а через три недели – восьмое. Или вы считаете, что мои личные дела

играют большую роль в нашей стратегии? – Варис снова улыбнулся. – Разумеется, я не стану возражать...

– Новая редакция покамест далека от завершения, – сказал Извор. – Сегодня нам предстоит бой, а потом еще сотни всевозможных битв, больших и малых. А если вы сосредоточитесь только на боях и забудете о том, как дышать полной грудью, то от вас будет мало толку.

– На Студеную улицу ходят не для того, чтобы дышать полной грудью. Во всяком случае, я хожу туда не ради этого.

– Но вы поедете к Странжу на праздник Равноденствия?

– Да, конечно. Я отбываю завтра, поездом.

– Прекрасно. – Извор сложил документы на столе. – Что ж, ступайте. Вам еще надо переодеться.

Варис поднялся по лестнице на свой этаж. Они с Извором так и не обсудили сегодняшние дела, но в этом не было нужды.

Он вошел в свой кабинет – комнату с гардеробной и умывальной, – вызвал горничную, стянул с шеи галстук, снял сорочку, налил воды в таз и начал приводить себя в порядок: распустил волосы, причесал их, снова собрал в узел на затылке и ополоснул глаза. Потом взял из шкафа в гардеробной свежую белую сорочку и надел, но не успел застегнуть, как в дверь постучали.

Лейва, коридорная третьего этажа (как говорили, служившая здесь еще при кверках), вкатила в комнату латунную тележку и даже не моргнула, увидев спущенные подтяжки и нижнюю рубаху Вариса.

– Добрый день, милорд, – сказала она, поправляя белый форменный халат.

– Доброе утро, Лейва. – Варис протянул ей грязную сорочку. – Постирайте и чуть подкрахмальте, пожалуйста.

Парламентариев здесь кормили, обстирывали, штопали им одежду; если попросить, ставили в кабинете кровать, а на каждом этаже можно было принять душ или ванну. В общем, западное крыло напоминало гостиницу, только без особых удобств.

– Будет исполнено, милорд.

Где-то в коридоре четко застучали каблуки.

– Который час? – спросил женский голос. – Сколько времени до начала заседания?

Женщина говорила с гортанной хрипотцой, свойственной жителям Запада. Голос был смутно знакомым.

Варис выглянул в коридор. На женщине был черный бархатный камзол, расшитый серебром, с эмблемой на левой груди – меч и заходящее солнце; бриджи для верховой езды заправлены в высокие сапоги. В черных волосах, перехваченных серебристой плетеной лентой, поблескивала ранняя седина. Наряд лет на сто двадцать отставал от современной столичной моды. Лицо широкое, нос явно сломан, но, в общем, приятно глазу, подумал Варис.

– Девять миним, – сказал он. – Первый звонок за три минимы до начала. Вы успеете дойти до зала заседаний.

Она пристально посмотрела на него, точнее, на его расстегнутую сорочку, и сказала:

– Спасибо.

– Рад помочь. Вы – миледи Лумивеста? Из Западного Края?

– Я рада, что меня здесь кто-то знает.

– Ну что вы, не обижайте Лейву, – сказал Варис, застегивая сорочку. – Она вас хорошо помнит.

– Миледи коронесса приезжала сюда в десятый день Копья, как раз после средненья. Тогда она тоже останавливалась в триста девятнадцатом номере, а на завтрак, как и сегодня, спросила яичницу с солониной, – сказала Лейва с улыбкой записной кокетки.

– Ну вот, коронесса Третьего Этажа вас не забыла, – сказал Варис. – Если не ошибаюсь, вы приехали лично подать петицию. Она внесена в повестку дня седьмым пунктом.

– Большое спасибо, но я приехала с той же петицией, которую вы уже пять раз оставили без внимания, – холодно произнесла Лумивеста.

Теперь Варис окончательно все вспомнил.

– Лумивеста, дочь палиона Чесдони, коронесса Великого Разбойничьего Кряжа. Вам досаждают бандиты.

От неожиданности она запнулась:

– А... ага.

Действительно, западинский выговор, подумал Варис.

– А вы... – снова начала она.

– Варис, корон Корвариса, – с легким поклоном представился он, застегивая манжеты и пытаясь оценить положение.

Лумивеста унаследовала свои владения три года назад. Ассамблея пять раз отклоняла ее прошение о помощи. Сегодня результат будет тот же. А Варису еще предстояло разобраться с пятым пунктом повестки дня.

– Раз уж вам известны обстоятельства моего дела, что вы собираетесь предпринять? – спросила Лумивеста, без излишней резкости.

Возможно, с пятым пунктом уже разобрались – поставили на рельсы, как выразился бы Винтерхольм. Что ж, к полудню будет ясно.

– Если мы сейчас начнем это обсуждать, то в Ассамблею я приду полураздетым. С вашего позволения, давайте поговорим за обедом?

– Да, конечно, – ответила она.

– Что ж, встретимся в обеденный перерыв. Доброго вам утра, коронесса.

– И вам... корон.

Варис захлопнул дверь и начал повязывать галстух. Едва он успел застегнуть жилет и надеть синий фрак, раздался первый звонок.

Разумеется, Варис пришел вовремя и, оглядев зал, с удовлетворением отметил, что Лумивеста тоже не опоздала.

В палате лордов было четыреста мест, расположенных восемью рядами, полукругом перед помостом спикера и креслом председателя. Балкон галереи у дальней стены предназначался для посетителей; в обоих ее концах стояли два пристава в красных мундирах с серебряными галунами. В руках они держали булавы, и не было пока случая, чтобы это церемониальное оружие пускали в ход по прямому назначению, а не как жезл регулировщика. К счастью, в свое время парламентарии не приняли предложения верховного судьи заменить булавы на ружья.

Две газовые люстры лишь слегка закоптили стены из светлого мрамора с золотистыми прожилками; резные дубовые кресла украшала отделка из кованого железа; по стенам были развешаны старинные геральдические стяги тех восхитительных времен, когда палионы на боевых скакунах разбивали друг другу головы ради доблести и славы; тут же красовался государственный флаг, на котором серебро Западногогорья теперь соседствовало с синевой Грандоречья. Лишь через двадцать лет после отречения короля от престола королевский штандарт перенесли из палаты лордов в Национальную галерею, куда, как хорошо знал Варис, многие приходили повздыхать над бедным изгнанником.

Часы пробили девять. Парламентский капеллан вознес молитву Богине во всех ее аспектах, испросив ее благословить Ассамблею, и председатель палаты лордов – в этом году его обязанности исполнял Пользен, один из лордов чародейских, – объявил заседание открытым. После этого Извор, главный лорд-парламентарий, зачитал повестку дня.

Зал заседаний был наполовину полон. Прекрасная явка, подумал Варис. По списку в палате лордов двести семьдесят восемь мест отводилось представителям коронатов – лордам светским, восемьдесят – лордам чародейским и тридцать шесть – лордам духовным. Обычно на заседаниях присутствовало около трети от общего числа лордов. И по большей части это были не лорды. Коронам и чародеям разрешалось посылать своих представителей, уполномоченных вести дебаты и голосовать. Многие лорды пользовались этим разрешением, но даже их представители не всегда являлись на заседания.

Кворум, необходимый и достаточный для голосования, со временем мало-помалу сокращался и сейчас составлял семьдесят коронов и двадцать чародеев, а представителей духовенства и вовсе не требовалось. Вдобавок такое число голосов считалось необходимым лишь для принятия решений, имеющих обязательную силу. Помнится, два года назад, как раз после зимних парламентских каникул, на открытие заседания пришли только Извор, Варис, тогдашний председатель, шесть коронов, два чародея и священнослужитель. По некотором размышлении было решено продолжить работу.

На следующее утро, когда кворум все-таки собрался, выяснилось, что пятьдесят три пункта повестки уже прошли стадию обсуждения и по ним надлежало голосовать. После этого посещаемость улучшилась – ненамного, но приемлемо.

Варис прикинул, что сейчас в зале чуть больше двухсот пятидесяти человек, из них всего двенадцать лорды духовенства; два дня назад проходили выборы главы церкви, и не все священнослужители успели вернуться из четырех образариев. Варис был хорошо знаком с новоизбранным чаробразом и знал, что увидится с ним через два дня, у Странжа.

Чародеи или их представители явились почти все, отсутствовало не больше десятка. Видимо, все знали о пятом пункте повестки дня. Что ж...

Варис отыскал взглядом корона Баклера. Его присутствие означало только одно. В галерее посетителей, за спиной одного из приставов, сидел Каббельс, верховный судья республики Лескория, в кроваво-красном мундире с серебряной лентой через плечо. Рядом с ним стоял еще один пристав, на всякий случай. Каббельсу было чуть за сорок; лицо его еще не утратило своеобразного, словно бы ястребиного, очарования, хотя этот ястреб явно ел больше мышей, чем полезно для его фигуры.

Согласно на редкость четко изложенной статье лескорийской конституции, верховному судье запрещалось обращаться к парламенту или вносить на рассмотрение свои инициативы. Поскольку Каббельс этого сделать не мог, его предложения продвигал Баклер. Именно от него поступило прошение снабдить приставов ружьями, ведь приставы удостоились особого упоминания в конституции (статья двенадцать, раздел три), а вот у армии не было конституционного мандата на существование. К тому же представителям городских властей и торговцев в палате общин это предложение очень понравилось.

Сегодня Каббельс улыбался. И Баклер тоже. Улыбка Баклера выглядела жутковато. А в зале присутствовали семь восьмых от числа лордов чародейских, имеющих право голоса.

Может, пятый пункт повестки дня и поставлен на рельсы, но поезда иногда сходят с путей. Варис украдкой посмотрел на Извора, который, как обычно, прекрасно владел собой, хотя наверняка оценил обстановку, заметив и Баклера, и чародеев, и Каббельса в галерее посетителей.

Один из лордов духовенства огласил первый пункт повестки дня – прошение об официальном признании заслуг ушедшего на покой чаробраза капеллы Скороби, одного из четырех главных священнослужителей страны. Именно его преемника избирали в тёмнень. Прений не было. Предложение немедленно поддержали и приняли единогласно. Курьер отправился в палату общин, которой предстояло одобрить принятый законопроект.

Предложения по второму и третьему пункту повестки дня поступили из палаты общин – просьбы городских властей Кум-Стрейта о сносе двух исторических объектов. Первый, камен-

ный мост, возведенный пять веков назад, действительно обветшал и представлял серьезную угрозу для судоходства, а вот вторым объектом была кверцийская вилла в черте города. Судя по всему, «развалины» – резные каменные фризy, керамика и кованое железо, а возможно, и статуи, фрески или мозаичные полы – стояли гораздо больше, чем сама вилла в ее удручающем состоянии. К сожалению, отклонять просьбу не имело смысла, поскольку городские власти Кум-Стрейта внесут то же самое предложение на следующее заседание парламента, только с большей настойчивостью. Или случится необъяснимый акт беспрецедентного вандализма, но его расследование ни к чему не приведет.

Парламент мог объявить любые владения охраняемым объектом государственной важности, как было сделано с лесными массивами, парками и полотном железных путей. Однако охраняемые владения не приносили налогов в казну. В сущности, присвоение охранного статуса означало конфискацию объекта, пусть даже законным путем. Предложения о присвоении охранного статуса делались в исключительных случаях. К счастью, по законодательству любой снос подобных объектов требовал особого разрешения.

Оба предложения были приняты – о сносе моста единогласно, о сносе виллы – открытым голосованием, три к одному.

В половине одиннадцатого председатель объявил перерыв на четверть часа. Варис вышел в вестибюль, где по распоряжению парламентского мажордома подавали чай и печенье. Варис взял две чашки чаю и, вернувшись в зал, отдал одну Извору.

– Я только что говорил с Кладеном, – сказал Извор. – Он очень хочет с вами побеседовать. Вы знакомы?

Кладен, лорд чародейский, как раз подходил к своему креслу в первом ряду сектора, где сидели представители его фракции. Лысый морщинистый толстяк в темно-синем фраке и в галстухе, заколотом булавкой с золотой розеткой, производил впечатление рассеянного человека, но это была иллюзия. На самом деле он слыл самым уважаемым чародеем в Лескори и шестикратно избирался главой национальной гильдии чародеев. На заседаниях парламента Кладен появлялся редко и непредсказуемо; его присутствие само по себе не означало, что в повестку дня включено что-то важное, но сегодня оно говорило о многом.

– Нет, официально мы не представлены, – сказал Варис. – Разумеется, я буду счастлив познакомиться с главой гильдии, но, может, как-нибудь в другой раз?

Небрежным тоном, чтобы посторонние восприняли вопрос как праздное любопытство, Извор осведомился:

– Ради Матери-Волчицы, признавайтесь, что вы натворили, милорд корон?

– Надеюсь, ничего особенного, – ответил Варис. – Точно так же, как и вы не сделали ничего особенного, когда внесли предложение в повестку дня. – Он взглянул на галерею; Каббельс и его телохранитель уже вышли. – Все зависит от того, что сделают другие и когда именно они это сделают.

– Да, – задумчиво сказал Извор. – Спасибо за чай.

Варис вернулся на свое место. Никаких затруднений возникнуть не должно – во всяком случае, с Извором. Невозможно проработать в мельчайших подробностях все планы до единого, но порой так и лучше.

Варис провел вчерашний вечер интересно и в некоторой степени напряженно, в обществе трех светских чародеев. В какой-то момент у него страшно разболелась голова, однако он не обращал на это внимания до тех пор, пока не убедился, что внушил своим собеседникам все, что хотел до них донести. После этого он отправился домой, отпустил дворецкого и так сосредоточенно смотрел на стену, что не услышал, как Винтерхольм звонит в дверь.

Но головная боль прошла, Кладен явился на заседание парламента, а Извор побеседовал с главой гильдии чародеев на глазах двух сотен присутствующих. Все было на рельсах.

Перерыв закончился. Четвертым пунктом в повестке дня стояла петиция, зачитанная каким-то коронном со Срединных Равнин, о пожаловании домовладения одному из торговцев в его коронате. Этот старинный обычай был древнее, чем пожалование короната. Домовладелец имел право укреплять жалованный участок земли и вооружать своих слуг. Поскольку за последние сто пятьдесят лет новых коронатов не создавалось, а новая редакция конституции вообще не предполагала их создания, такие петиции были очень популярны среди новоиспеченных богачей. А поскольку укрепленные строения, охрана и оружие облагались налогом, такие петиции были очень популярны и в парламенте.

Несколько миним корон рассказывал о добром нраве и миролюбии будущего домовладельца, который намеревался возводить укрепления и вооружать своих домочадцев. Петицию приняли единогласно. Возможно, палата общин ее не одобрит, подумал Варис. Депутаты палаты общин куда лучше лордов представляли себе нрав будущего домовладельца, а те, кто сам получил такое пожалование, не хотели, чтобы подобную честь оказывали всяким там кузнецам или повитухам с кое-какими связями в Листуреле.

В восемь миним двенадцатого Извор, который представлял следующую инициативу, передал слово председателю, чтобы тот огласил пятый пункт.

Эта инициатива была пробным шаром. В новой редакции конституции, которую готовил Извор, предполагалась новая статья. В ней говорилось: «...коль скоро чародейство является искусством и деятельностью, которая добровольно практикуется магистрами, сознающими накладываемые ею ограничения и риски, то все плоды этой деятельности следует считать результатом намеренных действий магистров в соответствии со всеми правами и обязательствами, закрепленными в отношении таковых действий в соответствующих законодательных актах...»

Иначе говоря, если чародей заставил дождь пролиться на иссохшие поля того или иного землевладельца, то землевладелец не имеет права отказать ему в оплате на том основании, что дождь якобы проливается по воле Богини. Предположительно лордам чародейским это понравится. Однако это также означало, что, если дождь привел к наводнению, которое залило поля или пастбища – а, исходя из природы магии, такой результат вполне возможен, – на чародея могут подать в суд. И вот это лордам чародейским явно не понравится.

Разумеется, лордам чародейским это не понравилось. Они перешептывались до тех пор, пока председатель не застучал церемониальным жезлом, а потом один из чародеев встал, прося слова. Его звали Дериано. Он был худощав, невысокого роста, с тоненькими темными усиками и аккуратной квадратной бородкой. На нем был элегантно скромный черный фрак из дорогой ткани, жилетка, расшитая золотистыми розетками, и крупные рубины в перстне и в цепочке часов. Во всем, начиная с вымышленного кверцийского имени, он точно соответствовал газетному образу светского чародея. Нынче утром он был бледен, под глазами залегли темные круги – видно, полночи не спал.

Варис знал, как именно Дериано провел ночь, потому что сам очень поздно распрощался с помощником Дериано и его спутниками, еще не меньше получаса помощник ехал в кэбе к своему магистру, чтобы рассказать ему все, о чем болтал вусмерть упившийся корон.

Извор дал слово Дериано. Чародей поблагодарил его, глядя на Извора сочувственно и в то же время недобро, и обратился к присутствующим:

– Позвольте мне начать с того, что я восхищаюсь стремлением корона Извора к правосудию. Есть ли среди нас те, кто не разделяет этого стремления? По-моему, нет. – Он выразительно посмотрел на галерею, где сидел Каббельс.

Каббельс улыбнулся.

Варис сдержал улыбку, хотя был очень доволен происходящим. Обращать внимание на Каббельса во время заседания палаты лордов было неосмотрительно. Это могли истолковать как намек на то, что у верховного судьи есть какое-то влияние на парламентариев, что задело бы

даже Баклера (точнее, задело бы именно Баклера). Любой человек, хоть сколько-нибудь знакомый с Каббельсом, сразу же понимал, что законодательство – его единственное устремление и всепоглощающая страсть. Каббельсу не было дела до правосудия. Дериано, редко посещавший заседания ассамблеи, этого не знал. Ему просто сообщили, что Каббельс против пятого пункта повестки, а значит, против Извора. Поэтому он решил подольститься к верховному судье и его сторонникам.

– Но правосудие, – продолжил Дериано, совершенно не сознавая, что делает большую ошибку, – заключается не в установлении строгих границ и мерок для человечества. Некоторые из нас вырастают высокими, некоторые не могут похвастаться ростом, а некоторые обладают способностью к магии, своего рода талантом чародейства. Все вы умные, образованные люди. Вам известно, что не мы выбираем талант; талант выбирает нас. И, как и в любом другом искусстве, результат не всегда полностью отвечает нашим ожиданиям. Но отдают ли певца под суд за фальшивую ноту? Взыскивают ли с художника штраф за дурную картину?

Теперь Каббельс слушал с интересом, еще больше напоминая голодного ястреба. Дериано говорил именно то, чего и хотел верховный судья. Именно поэтому Каббельс и выступал против законопроекта Извора, который помещал в правовое поле лишь результаты магического вмешательства, а не регулировал сам акт чародейства.

Дериано продолжал разглагольствовать в том же духе. Он явно подготовился к выступлению и держался с непринужденной уверенностью, будто на светском рауте. Его магические способности (их иногда называли арканой чар) проявлялись с помощью драгоценных камней, поэтому Дериано блистал в буквальном смысле слова. Завершая речь, он многозначительно посмотрел на Баклера, который поправил фрак, готовясь попросить слова.

Его опередил Кладен.

– Лорд Дериано, вы не возражаете, если мы дадим высказаться лорду Кладену? – произнес председатель, заранее зная, что возражений не последует.

Извор демонстративно посмотрел на присутствующих, задержав взгляд поочередно на Кладене, Варисе и председателе. Варис не шевельнулся, понимая, что все в зале следят за Извором и за реакцией тех, на кого он смотрит. О Дериано словно бы забыли.

– С удовольствием, – ответил чародей и сел на место.

Кладен подошел к помосту спикера.

– Я очень признателен своему коллеге за предоставленную возможность, – сказал он. – Моя речь будет недолгой. Я просто хочу выразить свое одобрение предложенной инициативы. По-моему, она глубоко продумана, важна и уже давно необходима.

Фракция чародеев молчала. Некоторые лорды чародейские заметно встревожились, некоторые сердито насупились, но многие были довольны. Доверенные представители лордов чародейских, явившиеся на заседание, почтительно смотрели на Кладена, как послушные ученики на учителя. Дериано сложил руки домиком и замороженно внимал.

Кладен, не обращая ни на кого внимания, продолжил:

– Слишком долго наша страна относилась к адептам древнего магического искусства как к неразумным детям, не способным отвечать за свои действия. Более того, некоторые не самые опытные и не самые порядочные чародеи привыкли, прикрываясь несовершенным законодательством, оправдывать свои промахи...

После этого законопроект покатило своим ходом по хорошо смазанным рельсам, подталкиваемый попутным ветром. Баклер все-таки взял слово и произнес витиеватую бессмысленную речь о правосудии, свободе и самообладании, такую же впечатляющую, как букет давным-давно засохших цветов. Против проголосовали всего тринадцать человек, а воздержались около сорока. Тем не менее законопроект приняли.

Председатель объявил перерыв на обед. К Варису подошла Лумивеста. Варис заметил, что Извор пристально смотрит на них, но так и не смог понять значение этого взгляда. Извор отвернулся, и Варис с Лумивестой покинули зал.

Они решили пообедать в «Золотом светильнике», ресторанчике в квартале от парламента. Тучи рассеялись, но на открытой террасе было слишком холодно. Варис и Лумивеста сели за столик у высокого сводчатого окна с видом на Кларити-парк. Варис заказал куриное филе и блинчики с грибным соусом, Лумивеста остановила свой выбор на внушительном бифштексе с кровью.

– А что такое «варис»? – спросила она.

– «Трудное место для высадки», – объяснил он. – Я родился на суровых берегах.

– И я тоже, – кивнула она, и от удовольствия в ее голосе сильнее зазвучал западный акцент. – Место моего рождения называют Пасть Шельмы.

Они принялись за еду. Поглядев на остальных посетителей, по большей части во фрачных парах, Лумивеста сказала:

– Я одета не по моде. Знаете, в Листуреле я бываю редко, а ваши последние фасоны до нас доходят с большим опозданием.

– И к тому времени, как дойдут, мода снова переменится. Все понимают, что вы из пограничных краев, и если задерживают на вас взгляды, то лишь из любопытства. В столице мало кто интересуется другими регионами страны.

– Но вы же интересуетесь, – сказала Лумивеста.

– Я сам с окраин, – напомнил Варис, формально не погрешив против истины, хотя в своем коронате не бывал уже много лет.

Лумивеста пыталась поддержать светскую беседу, не понимая, что для столичных жителей весь смысл светского разговора – не сказать ничего.

– Ваше прошение включено последним пунктом в повестку дня, – сказал Варис.

– Да, знаю.

– Не хотите ли отложить его до завтра? Для этого не требуется формального голосования. Нужно лишь попросить об отсрочке, заручившись чьей-либо официальной поддержкой, а затем получить общее одобрение. Я обещаю вам поддержку и почти уверен в одобрении. После дебатов по шести пунктам повестки за отсрочку проголосуют единогласно.

– И завтра мое прошение заслушают первым?

– Нет, снова последним. Но в завтрашней повестке всего три пункта. Ваша просьба станет четвертым пунктом. Завтра – последний день заседаний перед парламентскими каникулами. Как только рассмотрят все вопросы повестки дня, парламент распустиат.

– Завтра я хотела уехать домой.

– Так ведь есть вечерний поезд. Я как раз на нем уеду.

Лумивеста вопросительно посмотрела на него.

– Мы с друзьями едем отдыхать, – пояснил он.

Билетов на поезд скорее всего уже не осталось, но сейчас не стоило предлагать Лумивесте свое купе.

– Меня ждет долгое путешествие, – сказала она. – Восемьдесят часов поездом, а затем двадцать часов в седле. Прокладывать железные пути по нашим краям очень тяжело.

– В общем, подумайте над тем, чтобы перенести рассмотрение вашей просьбы на завтра. Вашего присутствия при обсуждении не требуется, а результаты голосования перешлют вам по магнографу.

– А у меня на самом деле есть шанс добиться положительного результата?

– Завтра – по-моему, да. Завтра ваши шансы намного улучшатся.

– Объясните, пожалуйста, почему вы в этом уверены.

– Потому что многие парламентарии уже уедут, вот как и вы. Число голосующих снизится. Скорее всего кворум наберется с трудом.

– А если кворума не будет?

– Тогда не будет и голосования, – машинально ответил он.

Начинать словесный поединок не имело смысла. Раз уж Лумивеста говорила прямо, то и Варис мог отвечать с такой же прямоотой.

– Но это не страшно, – продолжил он. – Послушайте, вы не принадлежите ни к одной из фракций. У вас нет сторонников. Чтобы заручиться поддержкой, требуется время и определенные усилия.

– Меня не интересует столичная политика.

– Знаю, – ровным голосом произнес он. – Но лишь политика поможет вам добиться нужных результатов голосования.

– Пусть злобные демоны сожрут живьем ваших парламентариев, – сказала она, разрезая кровавый бифштекс на тарелке.

– Все возможно, – сказал Варис. – Хотя большой уверенности нет. Вы заметили, как менялось настроение присутствующих во время дебатов по предложению милорда Извора? Когда говорили о законе и правосудии?

– Да. И крысенышу-корону досталось последнее слово.

Варис не удержался от усмешки:

– Баклеру? Да, конечно. Вряд ли это пойдет ему на пользу. В общем, так. Ассамблея, особенно этот крысеныш, рассуждает о законе и правосудии. Вот в этом ключе вам и надо изложить свою проблему. Объясните, что речь о бандитах и преступниках, а не о благородных разбойниках, которые защищают угнетенный люд, и не о романтиках в кружевных жабо, которые никогда ни в кого не стреляют, а только рассыпают поцелуи направо и налево. Понятно?

Она уставилась на него:

– Вы хотите сказать, что в парламенте заседают невежественные глупцы?

«А давайте мы изберем вас председателем ассамблеи», – едва не предложил Варис, но вовремя сдержался.

– Помнить об этом – неплохая стратегия, – кивнул он. – Только прошу вас, не афишируйте этого. – Варис посмотрел на карманные часы. – У нас есть время на чай.

– Не считите за грубость, но я бы хотела вернуться к себе и хорошенько все обдумать перед началом дневного заседания.

– Да, конечно. А я, пожалуй, останусь. Вы позволите мне расплатиться?

– Нет. По-моему, это я должна заплатить вам за советы.

– Как говорит мой коллега Извор, за советы надо платить только в том случае, если им следуешь.

Она со смехом поклонилась, оставила на столе деньги за свой обед и вышла. Он заказал чаю с северным виски, наблюдая через сводчатое окно, как Лумивеста идет вдоль парка.

Жизнь современного корона протекала по одному из трех возможных сценариев. Можно было оставаться в своих владениях, а в парламент отправить доверенного представителя. Так поступали больше половины коронов. Можно было поручить коронат заботам управляющего и переехать в Листурель, как Извор и Варис. А еще можно было сделать вид, будто за прошедшие двести лет ничего не изменилось – живи себе дома, управляй, как тебе вздумается, а если придется туго, то скажи в столицу и подавай прошение королю.

Двести лет тому назад Алостиллет учредил парламент; восемьдесят лет тому назад королева Берилла XIV отрелась от престола, но, судя по всему, об этом до сих пор не все еще знали.

После обеда заседание ассамблеи продолжалось; Каббельс ушел с галереи, а Дериано покинул зал.

По шестому пункту повестки выступил один из священнослужителей. Он внес предложение выделить часть запасов угля из резерва военно-морских сил на обогрев государственных больниц. Оно прошло легко, с рекомендацией сформировать комиссию для изучения государственных запасов угля.

В действительности все обстояло гораздо сложнее. Первоначально предлагалось закупить партию угля на рынке по искусственно заниженной цене. Короны – владельцы угольных шахт заявили, что никогда не проголосуют за такое решение. Главный управляющий государственными больницами (бедняга жаловался Извору: «По утрам у меня в кабинете так холодно, что пар изо рта идет») пытался убедить королю Туроскока, главного сторонника развития железных путей, что уголь для больниц можно взять из запасов путейного департамента. Поскольку о позиции Туроскока было известно всем, он не мог настаивать на помощи флотских, но без труда уговорил преподобного заступника Эссенция внести такое предложение.

Извор огласил седьмой, последний пункт повестки дня. Лумивеста вышла к помосту спикера.

– Вы все меня знаете, если, конечно, у вас не короткая память. И вы наверняка помните, зачем я здесь, потому что я уже обращалась к вам с той же просьбой полгода назад, и за полгода до этого, и, в общем, пять раз за последние три года. И вот я снова стою перед вами. Мой коронат, если вы еще не забыли, находится в горах на западном побережье. Нам досаждают бандиты. Что, вас уже клонит в сон? – спросила она, глядя на преподобную заступницу Ниву (совершенно напрасно, потому что Нива, у которой, кстати, не было ни единого врага в палате лордов, всегда выглядела заспанной). – Ну, это давняя история. Она началась задолго до моего рождения. Недаром наши горы называют Великим Разбойничьим Кряжем. Разбойники досаждали нам всегда, и до недавних пор мы справлялись с ними самостоятельно. Но до недавних пор бандиты не имели многозарядных ружей и не нападали на путевые составы.

Варис заметил, что король Туроскок заинтересованно поднял голову. Туроскок всегда беспокоился о состоянии железных путей. Этим можно воспользоваться.

– Мой коронат невелик. В нем нет ни больших городов, ни торговых дорог, и туда проложена одна-единственная ветка железных путей, – продолжала Лумивеста.

Туроскок по-прежнему слушал с интересом.

– Тем не менее мы такая же часть Лескории, как и ее столица, но если нам не помогут, то мы превратимся в разбойничью вотчину.

Прекрати, подумал Варис. Не смей так говорить, ты же не при дворе короля-феодала.

Но, как он и опасался, Лумивеста продолжила в том же духе:

– И ежели такая участь суждена моим фамильным владениям, то и мне, полагаю, иного пути не остается...

Короны возбужденно зароптали. Туроскок ошарашенно моргал, Баклер возмущенно фыркал. Хорошо хоть Каббельса не было.

Председатель стукнул жезлом о пол, требуя тишины. Лумивеста окинула взглядом зал. Судя по всему, она только сейчас поняла, что натворила. Дело не в том, что ей не хватает ума, решил Варис. Просто она верит в то, во что верили ее предки.

Он представил себе дальнейшее развитие событий: Туроскок не станет выступать, для чародеев все это не важно, а духовенство не примет участия в дебатах. На то, чтобы привлечь на сторону Лумивесты представителей приграничных коронатов, не было времени, но даже сочувствующие короны вряд ли поддержали бы открытую угрозу бунта.

Спасти ситуацию могло лишь предложение о переносе дебатов на завтрашнее заседание – если повезет, то кворума не будет, и голосование состоится только после парламентских каникул. За это время можно подготовить почву и убедить парламентариев, что бандиты и есть настоящие бунтовщики, подрывающие устой государства. Это сплотило бы коалицию. А если

усмирать банды отправят кавалерийских гвардейцев, те на радостях забудут о своих обидах на Вариса.

Варис встал. Баклер тоже поднялся с места.

– Миледи, лорды короны просят слова, – объявил председатель. – Кому вы дадите высказаться?

Для Вариса был ясен ход мыслей Лумивесты. Допустим, она доверяет Варису, но что лучше: дать ему выступить первым или надеяться на его заключительное слово? Очевидно, что ответа она не знала. Как не знала и того, что дебаты фактически завершились.

В итоге она поступила так, как сделал бы и сам Варис, будь он новичком в парламенте – повернулась к главному лорду-парламентария и негромко, чтобы не услышали остальные, заговорила с ним напрямую.

Разумеется, она просто спрашивала, как полагается поступать в таких случаях по протоколу. Чтобы не вызывать ненужных подозрений, Извору следовало во всеуслышание огласить содержание беседы, хотя ему и не дали слова – впрочем, на нарушение этой формальности никто не обратил бы внимания. Однако Извор, свято блюдуший все требования регламента и протокола, на такое не пошел бы.

И естественно, как понимал Извор, если после такого приватного обсуждения Лумивеста даст слово его главному союзнику, то все будет выглядеть сговором, и ее уже ничего не спасет. Оставалось только одно. Варис сел на место. Теперь о выступлении просил только Баклер.

Его просьбу уважили. Он потребовал немедленно проголосовать по седьмому пункту повестки дня.

Просьбу Лумивесты отклонили ста шестьюдесятью двумя голосами против ста двух. Поражение, хоть и не разгромное, все-таки было поражением.

Затем председатель Пользен спросил, возражает ли кто-нибудь против закрытия заседания. Никто не возражал. Заседание ассамблеи завершилось в двадцать две минимы четвертого. Лорды потянулись к выходу. Лумивеста встала и подошла к Извору. Тот заговорил с ней, делая успокаивающие жесты, а потом посмотрел на Вариса и помахал ему рукой. Варис направился к ним.

– Милорд Извор мне кое-что объяснил, – сказала Лумивеста. – Оказывается, я почти все сделала неправильно.

– Нет, что вы, – добродушно возразили Извор. – Вы ничего дурного не сделали. Просто природа политиков такова, что они все сводят к политике, а не к отдельным вопросам. Варис, коронесса говорит, что завтра уезжает. Надо хоть как-то развлечь ее в столице. Пригласите ее на котильон в посольство.

– В какое посольство? – спросила Лумивеста.

– Никогда не спрашивайте, в какое посольство, – небрежно заметил Извор. – Иначе подумают, будто для вас это важно, что чревато объявлением войны.

– В посольство Ферангарда, – сказал Варис. – Туда недавно прибыл новый посланник. Я с удовольствием составлю вам компанию.

– Но для этого мне нужен вечерний туалет, – вздохнула Лумивеста. – Боюсь, я отстала от листурельской моды.

– Варис, попросите привратника вызвать вам кэб, – сказал Извор, – и отвезите миледи Лумивесту к Айвори. И ради Шиары, смените костюм – вы уже на четырех балах появлялись в одном и том же синем фраке. Все, ступайте. Увидимся на приеме.

В дверях Лумивеста сказала:

– У меня в кабинете остались вещи...

– Документы? Лейва, коридорная нашего этажа, отправит их с посыльным вам в гостилицу. А об одежде не беспокойтесь, мы же едем к Айвори.

Ателье «Айвори и Айвори» находилось на Речной улице, в двадцати кварталах от здания парламента. Близкое соседство с доками не позволяло назвать район фешенебельным, но владельцы ателье не хотели никуда переезжать. Старшая Айвори утверждала: «Те, кто заявляет, будто наше ателье расположено не по модному адресу, не способен по достоинству оценить ни нас, ни моду».

Ателье занимало три дома со стеклянными витринами в литых чугунных рамах: справа галантерейная лавка, где продавались галстуки, воротнички, чулки и прочие готовые изделия (разумеется, для желающих их шили и на заказ, но это почиталось излишеством). Швейная мастерская разместилась в доме слева; сквозь большие витрины видно было, как внутри кроют, сметывают и строчат. Если приложить кончики пальцев к стеклу, чувствовалось стрекочущее гудение швейных машин, а если поднять руку, то ощущалось дуновение вытяжки.

Привратник учтиво приподнял цилиндр и распахнул перед Варисом и Лумивестой центральную дверь. В длинном вестибюле с высокими потолками громоздились коробки, лежали рулоны ткани, вдоль стен выстроились трельяжные зеркала и вешалки. В нише виднелись гербовые патенты шести последних лескорийских монархов. Лумивеста с любопытством посмотрела на них и сказала:

– Последняя из Бериллов посвятила в палионы мою бабушку, а Львиногор – моего прадеда.

– Правда? – раздался женский голос.

К ним подошла Марта, младшая Айвори. Из карманов ее халата торчали ножницы, булавки, мерные ленты и прочие швейные принадлежности.

– Добрый день, милорд корон. Давненько вы к нам не заглядывали.

– Да, мне об этом все говорят, – добродушно ответил Варис, представил Лумивесту и объяснил, что им требуется. – Затруднение в том, что бал начнется в семь вечера, то есть через три часа.

– Если бы через час, то было бы затруднение. А так – интересная задача. И вам тоже костюм подобрать, милорд? Прошу вас, не отказывайтесь.

– Да, и мне тоже.

Лумивеста и Айвори начали обсуждать фасоны (надо было найти подходящий готовый наряд и подогнать его по фигуре, потому что даже в ателье Айвори не смогли бы сшить новый за три часа) и ушли в примерочную. Вариса обслуживал другой закройщик. Сверив размеры Вариса с записями в конторской книге, закройщик осведомился, не изменились ли привычки клиента. Пользуется ли он тростью? В таком случае следует озаботиться длиной рукавов. А может, нужен покрой посвободнее, чтобы был незаметен револьвер? Смущенно отказавшись, Варис спросил, входит ли в моду такой фасон.

– Не могу знать, милорд, – с улыбкой ответил закройщик, что означало «нет».

Сотрудники «Айвори» никогда не сплетничали и не распространяли слухов, но новостей моды не скрывали.

В каталоге готовой одежды Варис остановил свой выбор на шелковой сорочке, шитой серебром, и фраке сине-серого сукна с черной атласной отделкой. Закройщик одобрительно кивнул. Вежливые и почтительные сотрудники «Айвори» ни за что не взяли бы в работу наряд, который, по их мнению, не подойдет заказчику. Принесли фрак. Варис надел его и стоял неподвижно, пока закройщик мелом помечал места, требующие подгонки.

После этого фрак унесли в швейную мастерскую. Варис пошел туда. В мастерской стрекотали все двадцать машин: готовили спешные заказы, наряды для праздника Равноденствия. Работники и работницы, в рубашках и полотняных фартуках, с волосами, забранными в хвост или под головные сеточки, со знаками гильдии портных на груди – серебряными или золотыми ножницами, – кроили и сшивали шелк, атлас и бархат бледно-зеленых, золотых и буйных багряных оттенков осени.

Кожаный ремень в пол-ладони шириной отходил от каждой машины к потолочным валам во всю длину мастерской; установленные на них деревянные вентиляторы гнали жар на улицу. Над застекленным потолком нависли серые тучи, но рабочие места в мастерской были ярко освещены немигающими газовыми фонарями под калильными колпаками.

В дальнем конце мастерской, отгороженная двойными стеклянными панелями, стояла паровая машина, приводящая в движение потолочные валы. В полумраке поблескивали медные поршни и манометры, а маховое колесо в два человеческих роста прерывисто закрывало уличный свет. Точильщик обрабатывал на станке иглы и рабочие поверхности ножниц, из-под визжащего точильного камня дождем сыпались искры.

Варис шел между двумя рядами швейных машин; в их негромком стрекоте слышались популярные мелодии, у каждой своя, но все в ритме вращения потолочных валов: «Любовь жестока» переходила в «Виски без воды» или в «Злато-серебро».

Закройщик снова предложил Варису примерить заколотый булавками фрак, прежде чем отдать его швее. По мнению Вариса, фрак сидел прекрасно.

Пока швея работала над фраком, пришла Лумивеста. Они с Варисом пообещали Айвори вернуться ровно в шесть и отправились поужинать в таверну по соседству.

– Нам не мешает подкрепиться, – объяснил Варис. – Это перед посольскими банкетами лучше два дня голодать, а на балах подают только крошечные закуски и заедки. Вдобавок ферангардский пунш...

– О ферангардском пунше наслышаны даже мы, – сказала Лумивеста. – Неужели на балу в посольстве и впрямь угощают «зверобоями» или «проломленными черепами»?

– Разумеется, – небрежно, но с нажимом ответил Варис. – А когда в Ферангарде приходит к власти Военная администрация, их даже подают под этими названиями. – Он посмотрел на недоумевающего официанта и заказал омлет со шпинатом и ветчиной.

Лумивеста заказала было заячье рагу, но, поймав взгляд Вариса, выбрала тушеные бараньи почки.

Как только официант отошел, Варис сказал:

– Никогда не заказывайте заячье рагу в столичных ресторанах, кроме тех, где вам покажут освежеванного зайца. Да и тогда лучше проверять, заяц ли это.

– Вы шутите?

– Зайцы водятся в Кларити-парке, но у них есть револьверы.

– Ну, теперь вы точно шутите.

– В каждой шутке есть доля шутки, – сказал Варис и, сразу же пожалев о сказанном, отвел глаза, лишь бы не смотреть на Лумивесту.

Она вопросительно взглянула на него. Он ничего не ответил. День выдался ужасно долгим.

За что Извор так с ним поступил?

– Главное – не опаздывать, – сказал он, переводя тему разговора на еду. – А то в пять миним седьмого Айвори вытащит нас из-за стола и силком приволочет в ателье.

Они молча поужинали и вернулись вовремя. Айвори отправила их в примерочные.

Там Вариса ждали закройщик, подмастерье и усатый здоровяк с маленькими изящными руками, который причесал Варису волосы, связал их в хвост на затылке и привел в порядок обкусанные ногти милорда корона. Варис надел сорочку, повязал узкий галстук, застегнул черный жилет, вложил в карман часы, проверил, правильно ли висит их цепочка, и после этого облачился во фрак. Закройщик поправил рюши жабо и манжеты Вариса. В примерочную заглянула Айвори, одобрила общий вид. Костюм сидел на Варисе как влитой.

– По-моему, все, – сказал Варис.

– Что ж, тогда... – сказала Айвори.

Из соседней примерочной вышла Лумивеста.

На ней был длинный приталенный камзол черного бархата, простеганного ромбиками с крошечными хрустальными бусинками на перекрестьях стежков. В глубоком узком вырезе под воротом с широкими лацканами виднелся свободно повязанный черный шейный платок. Голову обвивала сверкающая серебристая лента, черные сапоги были начищены до зеркального блеска, а искусно наложенная косметика несколько смягчала резкие черты лица, которые по-прежнему производили впечатление скрытой силы.

– Погодите, – сказала Айвори и ушла в галантерейную лавку.

Лумивеста с сияющим изумлением посмотрела на Вариса.

Вернувшись, Айвори показала Лумивесте черную лайковую ташку на тонкой серебряной цепочке; сумку украшал геральдический герб короната – меч, расположенный горизонтально над заходящим солнцем. Айвори повесила ташку на плечо Лумивесте, будто картину на гвоздик.

– Вот теперь, по-моему, все, – сказала Айвори. – И вам осталось двадцать четыре минимы. Я обожаю трудные задачи. – Она обернулась к Варису. – Милорд, отправить ваши вещи с посыльным к вам домой?

– Да, – сказал Варис. – И попросите передать моему дворецкому, что с сегодняшнего вечера и до конца праздников я не нуждаюсь в его услугах. – Он вынул пятиталеровую монету. – И это тоже посыльному.

Айвори кивнула и взяла монету.

– А миледи коронесса?

– Я остановилась в «Бронзовой двери», – поспешно сказала Лумивеста.

– Ваши вещи доставят туда, – ответила Айвори, окидывая взглядом свою работу. – Ах, совсем забыла. Там же прохладно!

Она велела принести плащи и сама накинула плащ на плечи Лумивесте.

Привратник подозвал кэб. Лумивеста и Варис поехали сначала на север, потом на запад города.

С моста через реку Гранд видно было, как заходящее солнце заливает янтарно-золотым сиянием дворец, сбоку подернутый рябью лучей, отраженных водами Свежа. В окно кэба Лумивеста разглядывала беспорядочно возведенные, но красивые здания, а свет согревал ей лицо, и глаза золотисто поблескивали, как опалы.

Или как агаты, подумал Варис по разным причинам, в том числе и не самым приятным. Сейчас ему не хотелось вспоминать об Агате; с ней он увидится через несколько дней, а сейчас ее здесь не было. Ее никогда здесь не будет. Ее не будет здесь, в столице.

– Вы когда-нибудь посещали дворец? – спросил он Лумивесту, которая здесь была.

– Нет. Но мне бабушка рассказывала. Я же говорила, она была палионой Морейн. – Она повернулась к нему. – Ваш коронат... Корварис?

– Да, на северном побережье. За Брина-Коли.

– А ваша семья...

– Мы не особо интересовались семейной историей. По-моему, один из моих дедов был чародеем, от этого и умер. Мои родители погибли, когда мне было шестнадцать. На них напали бандиты.

– Ох, а я с самого начала нашего знакомства только о бандитах и говорю, – вздохнула она. – Как будто, кроме меня, о них никто больше не знает.

– Мы с вами познакомились лишь нынче утром, – сказал Варис, и эти слова внезапно обрели глубокий смысл. – И вы совершенно правильно говорите о бандитах. Вы же за этим сюда и приехали. Вот я не могу сказать, будто что-то знаю. Когда родители погибли, я был вдали от родного дома, гостил у... друзей, – сказал Варис.

Он очень надеялся, что Лумивеста не станет выпытывать у него подробности. Никто точно не знал, что произошло на Прибрежном тракте. Существовали подозрения и домыслы –

байки, как называли это северяне, – но ответов не было. Если Варис и раздумывал над этим, то предполагал, что ответы потребуют от него каких-то действий, какой-то мести. Он понимал, что возмездие, как религия, способно сформировать и направить жизненный путь. Но жизненный путь Вариса уже сформировался и принял определенное направление.

– В следующий раз, если найдете время, обязательно посетите дворец, – сказал он Лумивесте. – Он находится под попечительством университета. Вас интересует какой-то определенный исторический период? Среднецарствие? Доцарственное или, может быть, кверцийское правление?

– Среднецарствие.

– В таком случае вам следует обратиться к наставнику Фалконеру. Он проведет для вас экскурсию, расскажет вам такое, о чем вы не догадывались, и даже такое, во что верится с трудом.

– Очень заманчивое предложение.

– Вот именно, – сказал Варис, замедляя шаг. – Предупредите меня заранее о вашем следующем визите, я все устрою.

– Вас тоже интересует Среднецарствие?

– Меня интересует все, – неопределенно ответил он.

История Среднецарствия с ее списками палионов, турнирами и алчными невежественными королями навевала на Вариса скуку в отличие от занимательных рассказов Фалконера о возникновении городов, строительстве дорог и создании зернохранилищ.

Нет, несправедливо было предполагать, что Лумивесту интересуют лишь геральдические символы, бряцание оружием и рассказы бабушки-палионы. Варис часто делал слишком поспешные выводы, как будто Фалконер его ничему не научил. Лумивеста – коронесса, живущая в своем коронате и успешно им управляющая, то есть не просто знающая, как давать аудиенции и гарцевать на коне; она наверняка разбирается в таких сложных вещах, как горнодобывающая промышленность, обслуживание транспортных путей и защита от паводков – во всем том, что Варис препоручил своим управляющим, после того как унаследовал коронат. Варис смотрел на нее, раздумывая, догадывается ли она, что он с большим удовольствием пригласил бы ее домой, напоил чаем и поговорил о специфике хранения зерна.

– Вам очень не хочется идти на этот прием? – внезапно спросила Лумивеста.

– Вообще-то я на него не собирался, – честно ответил Варис, лихорадочно соображая, что сказать дальше.

Сказать «Но теперь я не прочь» было недостаточно. Как честно и вежливо объяснить ей все те перемены, которые произошли в его сознании за последние часы? Как легкая досада из-за того, что Извор отправил его на очередной дипломатический прием, сменилась раздражением, потому что вместо общения с Лумивестой Варису придется тратить время на пустую светскую болтовню, и какими словами описать внезапную отчаянную радость, охватившую его потому, что он сопровождает Лумивесту на этот дурацкий светский прием, именно потому, что прием дурацкий, и кто-то может заметить, что...

У него разболелась голова.

– В балах есть своя прелесть, – наконец произнес он. – Я часто об этом забываю. Дайте мне слово, что, если вам прискутит, вы мне об этом скажете.

– Скажу, если вы пообещаете сделать то же самое, – улыбнулась она. – Такая вот взаимопомощь.

Он рассмеялся, мысленно коря себя за то, что не сразу доверился мнению Извора.

Ферангардское посольство находилось на восточной окраине квартала Среброшвеек, поблизости от места утренней дуэли. Трехэтажное белокаменное здание, напоминающее укрепленный замок приграничного феодала (для Ферангарда в отличие от Лескори и их эра минула не так давно), тем не менее было украшено большими окнами, верандами и прочими

архитектурными деталями мирного времени. Само здание, в ранних сумерках залитое сиянием свечей и газовых рожков, находилось на некотором расстоянии от массивной каменной ограды с коваными решетками, не лишенной изящества, но явно призванной служить средством защиты.

По подъездной дорожке кэб въехал за ворота, где уже выстроился длинный ряд карет и экипажей. Варис взглянул на Лумивесту, озаренную светом фасада.

– Вы не волнуетесь, – сказал он.

Она коснулась своего приталенного камзола.

– Его очень быстро сшили.

– Тем более не стоит волноваться. Ваш наряд надежно защищен семейной репутацией. Если с ним что-нибудь случится, Марта вскрыет себе вены портняжными ножницами, а потом ее призрак будет сводить с ума тех, кто посмел облачить ее в старомодный саван.

Варис очень хотел вызвать у Лумивесты сияющую улыбку; сам он этого сияния не отрадит, но оно послужит ему прекрасной защитой.

Они вошли под арку парадного входа, в кованые железные двери, и оказались в длинном вестибюле, где пол был выложен медной плиткой, а стены увешаны клинками и портретами. Вокруг клинков струились драпировки и ленты – золотисто-зеленые, цветов флага Мирной администрации Ферангарда. Перед Варисом и Лумивестой распахнулись еще одни тяжелые двери. За ними начиналась широкая лестница, ведущая вниз, к двухъярусной бальной зале. Мажордом в белом камзоле стукнул жезлом о пол и объявил новоприбывших, именуя Лумивесту полным титулом (очевидно, об этом заранее позаботился Извор).

Хотя в бальной зале собралось человек сто, она все равно казалась пустой. Те из присутствующих, кто обернулся, когда объявили новых гостей, не сводили с них глаз. Варис с трудом сдержал усмешку, понимая, на кого все смотрят.

Извор стоял у подножия лестницы, одетый, как обычно, в темно-серый фрак, но с пурпурной орденской лентой через плечо. Он казался огромным, как статуя героя, опрометчиво приглашенная на ужин. Спускаясь по лестничным ступеням, Варис заметил на ленте Извора большую розетку из золота и стали, покрытую эмалью и инкрустированную россыпью драгоценных камней – орден Окруженной Цитадели, выданный Военной администрацией Ферангарда (с тех пор правительство сменилось трижды). Явиться с этой наградой на прием к посланнику Мирной администрации было довольно вызывающим жестом, как, впрочем, и вообще демонстрация этого ордена в Лескории.

Рядом с Извором стояла женщина в белом военном мундире и синих брюках с золотыми лампасами; на плечах погоны с тройной полосой и золотой аксельбант, железные ордена на груди, а в ножнах – короткий палаш; темные прямые волосы коротко подстрижены. Она казалась невысокой, но лишь рядом с Извором. На рукаве виднелась шелковая черно-золотая нашивка – цвета Военной администрации.

– Лумивеста, как я рад вас видеть, – сказал Извор. – Позвольте представить вам Тефар Дианте, децениону Второго гвардейского полка Цитадели, посланницу Военной администрации Ферангарда в республике Лескория. Варис, вы, конечно же, знакомы с деценионой.

– Да, разумеется, – кивнул Варис.

Они раскланялись.

– Я очень рада видеть вас, Варис, – сказала Тефар Дианте. – Рада видеть вас обоих. Боюсь, на сегодняшнем приеме мне будет не до развлечений.

– Вас не собираются отзывать? – негромко спросил Варис.

– Ем я немного. А когда меня отправят обратно, то сэкономят на стоимости билета в спальном вагоне. – Она повернулась к Лумивесте. – Извор говорит, у вас проблемы оборонного характера. Я большой специалист по боевым действиям в гористой местности. Мы с вами

могли бы это обсудить, – сказала она заинтересованным тоном и после паузы добавила: – С вашего позволения.

– Да, было бы неплохо, – согласилась Лумивеста.

– Тогда постараюсь это устроить. А сейчас позвольте откланяться.

Тефар Дианте отошла.

Лумивеста, оглядевшись, негромко спросила:

– Она это серьезно?

– Вы о чем? – сказал Варис, убедившись, что их никто не подслушивает.

Впрочем, Лумивеста наверняка все поняла, и даже лучше, чем Извор.

– Она же из Ферангарда, – сказала Лумивеста. – Из военных! Не могу же я обсуждать защиту своих владений с офицером ферангардской армии.

– Да, вы правы, – непринужденно подтвердил Варис. – Скорее всего существует какой-то закон, по которому это сочтут изменой. Однако имейте в виду, что Тефар Дианте говорила вполне искренне. На то есть причины. Помните ее слова о билете в спальном вагоне?

Поразмыслив, Лумивеста кивнула:

– Она имела в виду, что ее отправят как груз. В гробу.

– Совершенно верно. Мирной администрации сейчас желательно, чтобы командир гвардейского полка находилась подальше от своих гвардейцев, но там, где ее при необходимости можно сыскать. Правительство поступило так с командирами всех элитных подразделений. Видите ли, на выборах военные часто выступают единым блоком.

– Как я понимаю, чтобы объявить войну, Военная администрация не нужна?

– Определения «военная» и «мирная» давно уже служат просто названиями фракций. Это чистая политика.

– Так я и думала, – сказала Лумивеста.

Варис едва заметно улыбнулся, а потом посмотрел на фреску с изображением охоты: копейщики, кабаны и собаки.

– Если бы мы хотели пойти войной на Ферангард, то сейчас было бы самое время. Только это секрет.

– А как же Брина-Коли? Они же контролируют все перевалы.

– Ну, в этом секрета нет. А вы не дадите мне совет технического характера?

– Какой именно?

– Как защитить горный перевал от армии, которая намеревается через него перейти?

– Ничего сложного. Надо забаррикадировать перевал и нападать сверху. Так охотятся на коз.

Варис кивнул и закусил губу:

– Звучит очень знакомо. А кто еще так воюет?

– Горные... – Лумивеста осеклась, сообразив, что к чему, и медленно продолжила: – Разбойники. Бандиты.

– Вот поэтому очень многие и хотят найти общее решение этой проблемы, – сказал Варис.

Он смотрел на нее, читая ее мысли и слишком хорошо представляя, что именно сделал: увел ее от тепла и света очага куда-то в холодную темноту.

Он ненавидел себя за это. Как обычно.

Они вернулись к гостям. Теперь в зале было около ста пятидесяти человек – короны, парламентарии из палаты общин, директор Гранд-вокзала, несколько известных чародеев (лорда Кладена не было). Пришел и Пиннер, насмешливый толстяк с бакенбардами, издатель газеты «Листурельский утренний вестник». Его репортеров на прием, разумеется, не пригласили, хотя люксиватора, который стоял в углу и возился со вспышкой и стеклянными пластинками своего аппарата, скорее всего привел именно Пиннер. Было здесь и человек двадцать посланников и консулов во фраках, увешанных орденами, полученными от правительств своих коллег.

К Варису и Лумивесте подошла пара – невысокий молодой человек в коричневом камзоле, расшитом позументами на груди и рукавах, и с рапирой на золотой шелковой перевязи. Каштановые кудри были аккуратно перехвачены золотистой лентой, а глаза ярко поблескивали. Его спутница была значительно старше, с седыми волосами под зеленым кружевным чепцом; аквамариновое атласное платье с пышной юбкой было оторочено белыми кружевами. В руках женщина держала трость, которая явно была ей не нужна.

– Варис! – воскликнул молодой человек. – Ну наконец-то! Ты почти перещеголял меня в выборе спутницы.

– Поразительное заявление, – сказала женщина и обратилась к Лумивесте: – Простите его, милочка. Он все время привирает.

– Да, конечно, – сказала Лумивеста. – То есть... ох, здравствуйте.

– Миледи, это Винтерхольм, мой друг и коллега, – сказал Варис. – Винтерхольм, познакомься, это миледи Лумивеста, коронесса Великого Разбойничьего Кряжа.

– Очень приятно, – ответил Винтерхольм. – Судя по всему, это очень официальный прием. Варис на время утратил свое чувство юмора, иначе представил бы меня как великого разбойника.

– Я постараюсь исправиться, – сказал Варис.

– И я тоже, но еще слишком рано. Позвольте представить вам обоим Малису Айни, вдовствующую герцогиню острова Давеск. Малиса, это Варис и Лумивеста, легитимные лескорийские лорд и леди. И, пожалуй, аллитерации на сегодня достаточно. (В центре залы взвизгнули струны.) Кстати, музыканты уже настраивают инструменты. Позвольте пригласить вас на танец?

– О Богиня, – вздохнула Малиса Айни, – это же линейарегия. Ее невозможно танцевать на трезвую голову.

– Нет-нет, как раз сейчас самое время, – сказал Винтерхольм, беря герцогиню под руку. – Пока мы не захмелели и не устали. Потом будет куда опаснее.

Линейарегия – бальный танец со строго определенным набором фигур, возникший много столетий назад, в доцарственные времена. Как всегда, начался он чинно и степенно, но его темп постепенно возрастал, и под конец танцующие быстро менялись партнерами и стремительно кружили, как шестеренки в туго заведенных часах. Уследить за своей дамой или кавалером было почти невозможно, запомнить свое место тоже трудно. В конце концов прозвучала барабанная дробь, звонко ударили литавры – и танцоры остановились, чудом не сбив друг друга с ног.

Варис быстро отыскал Лумивесту. К ним присоединились Винтерхольм и герцогиня.

– У вас очень хорошо получается этот дурацкий танец, – сказала герцогиня.

– Меня учила мать, – объяснила Лумивеста. – Она рассказывала, что танец придумали в старину для лордов Тарса, чтобы холостяки и девицы на выданье могли поближе познакомиться друг с другом, не нарушая строгих правил приличия.

– Правда? – рассмеялась герцогиня.

– В Тарсе, – продолжила Лумивеста, – когда нужно менять партнеров, то вот этот жест означает... – Она раскрыла левую ладонь, чуть согнув кончики пальцев. – «Нет, спасибо, я остаюсь со своим».

– Я обязательно съезжу в Тарс, – сказала герцогиня.

– Прошу прощения, – с поклоном произнес Винтерхольм, – мне не терпится рассказать Варису последние сплетни. Зато мы вернемся с прохладительными напитками.

Варис недоуменно глянул на него, но тоже поклонился и последовал за приятелем.

– Сплетни?

– Ни за что не догадаешься, кто умер сегодня в полдень, – почти весело сказал Винтерхольм.

– Разумеется, не догадаюсь. Говори уже.

– Некий тип по имени Ферт. Лейтенант кавалерийской гвардии. Попал под колеса кареты в Парусном переулке. Сообщают, что тело изуродовано до неузнаваемости.

– В Парусном переулке? Это недалеко от эстуария?

– Увы, место не такое фешенебельное, как парк Ив... – протянул Винтерхольм и добавил: – Кстати, посольство герцогини находится совсем рядом с парком Ив. Сегодня утром она наблюдала за дуэлью. Только прошу тебя, не говори ей, что тебе это известно – по-моему, дамам неловко в таком сознаваться.

– Все это как-то связано с вашим знакомством?

– Ну да, посольство... Только это давно было. А потом я узнал, что пистолет был неза-
ряжен... Ух ты, а вот это выглядит убийственно. – Винтерхольм наполнил высокие бокалы
искрящимся розовым пуншем. – Братишка, возьми мне парочку вот этих шоколадных штучек.
Я сегодня не ужинал.

Малиса и Лумивеста сидели на банкетке.

– ...а мой третий супруг, сорок седьмой герцог, был пиратом, – бурно жестикулируя, рас-
сказывала герцогиня. – Разумеется, у него был каперский патент от Лескори и два от Алин-
сеи – алинсейцы всегда щедро раздают такое добро. Естественно, я все это пресекла, хотя он
и настаивал, что не имеет никакого отношения к печальной участи сорок шестого герцога. –
Она вздохнула. – Но сорок седьмой был очень несчастен. Он часами просиживал в герцогском
парке, устраивал в утином пруду потешные баталии. – Она обернулась. – А, вот и наши моло-
дые люди. Милорд Варис, вы не знаете, когда появится новый посол? Или я все пропустила?
Мне вообще не везет с послами – если они не выдвигают никаких требований и не объявляют
войну, то я их попросту не замечаю.

– Он придет к восьми, ваша светлость. Через десять миним.

Они чокнулись. Винтерхольм ловко удерживал на весу тарелку пирожных. Все сделали по
глотку крепчайшего пунша, и Лумивеста спросила, кивнув на группу гостей в дальнем конце
залы:

– А что там происходит?

– Не знаю, – ответил Варис. – Давайте посмотрим.

Они оставили Винтерхольма с герцогиней на банкетке и направились к толпе.

На столе перед чарокнижником лежала Книга – карточная колода, – но расклад был
Варису незнаком: дуга из семи карт над треугольником из трех. Напротив чародея никто не
сидел. Несколько зрителей украдкой доставали свои Книги, вытаскивали карты парами, изу-
чали их и снова вкладывали в колоду.

Варис взгляделся в карты: три нижние явно составляли предмет чтения – шестерка Кам-
ней (карта изображала виадук с шестью арками), перевернутый Небосвод и Правосудие. Над
ними были открыты Столица, туз Фонтанов, перевернутые Врата, перевернутая пятерка Кли-
нков, принц Фонтанов, король Жезлов и перевернутое Уединение. Не зная, как читать расклад,
Варис не мог точно в нем разобраться, но понимал, что в нем представлены сильные карты.

К чарокнижнику подошел один из посольских гвардейцев в сопровождении младшего
дворецкого. Гвардеец, в декоративном золотом нагруднике-горжете и с длинным мечом у
пояса, негромко и вежливо произнес на сносном лесканте:

– Прошу прощения, досточтимый господин, но я обязан проверить ваше разрешение
осуществлять чародейство на территории Ферангарда.

Чарокнижник предъявил золотую розетку:

– Я действительный член гильдии чародеев Листуреля.

– Да, конечно, досточтимый господин, но посольство – это не территория республики
Лескория. Либо предъявите разрешение, либо прекращайте.

Чарокнижник легонько коснулся карт и добродушно сказал:

– Да-да, извините. Я не имел в виду ничего плохого.

– Я понимаю, досточтимый господин.

Чародей собрал карты, вложил их в золоченую эмалевую шкатулку и с подчеркнутой вежливостью обратился к гвардейцу:

– Надеюсь, вы лично засвидетельствуете мое почтение и передадите мои извинения господину послу.

Гвардеец вопросительно посмотрел на младшего дворецкого.

– Клянусь честью, досточтимый господин, – сказал тот, – все будет исполнено.

Чарокнижник окинул обоих взглядом, будто хотел что-то добавить, потом встал и по лестнице вышел из залы.

– Любопытно, – сказал Варис Лумивесте, – но лучше держаться на расстоянии.

Они вернулись к Винтерхолму и герцогине, которая как раз говорила:

– ...а вот уткам было не смешно. В тот же день мы титуловали нового, сорок восьмого герцога, а потом сыграли свадьбу. И на месте пруда разбили ханасийский сад. – Она взглянула на Вариса и Лумивесту. – О, вы вернулись. Там снова начинаются танцы?

– В некотором роде, – сказал Варис и описал происшедшее.

Пять или шесть чародеев, откланявшись, покинули бальную залу.

– Надо бы сообщить Извору, – предложил Винтерхолм.

– Извор наверняка сам все заметил, – остановил его Варис. – И ничего по этому поводу не скажет. Во всяком случае, здесь...

На верху лестницы появились два лакея и четыре гвардейца.

– ...и уж тем более сейчас, – закончил Варис.

Голосом, более мелодичным, чем у младшего дворецкого, мажордом объявил:

– Его честь представитель суверенного государства Ферангард и его Мирных административных властей в республике Лескория, посланник Роха Серестор.

Появился посланник, грузный мужчина в узко скроенном темно-зеленом мундире, шитом золотом по обшлагам и лампасам брюк. Роха Серестор шел по лестнице пружинящим шагом, будто готовился к прыжку. Темные, чуть волнистые волосы, напряженное лицо. Гости встретили посланника вежливыми аплодисментами.

Спустившись в залу, он произнес не самым приятным, но хорошо поставленным голосом:

– Гости чтимые высоко, приход ваш назначение мой приветствовать сегодня радость и удовольствие для мне. И представляется меня, что вы, в стране своей люди торжественные и ценные, наверное, вопросы торжественные и ценные иметь про мне: какой курс политический? Какое отношение? Просто сказать, человек этот кто быть и что хотеть знание получить. Время вы и я – возможно лет много – иметь для трудные беседа. Позвольте коротко заверить вам, что говорить за мир намерен я, новость приятная для все вы. А сейчас бал мы иметь и не задерживать веселье.

Музыканты заиграли станданцу. Под медленную ритмичную музыку гости собрались группами по восемь человек. Когда танец закончился, герцогиня принялась рассказывать Лумивесте о печальной участи сорок восьмого герцога, а Варис подошел к Извору.

– Варис, я очень надеюсь, что ваше настроение улучшилось, хотя и поневоле.

– Да, не жалуюсь.

– Что ж, может быть, вы развеселитесь еще больше. Если постараетесь. Вы завтра придете на заседание ассамблеи?

– Это вопрос?

– Покамест да.

– Мой поезд отходит в шесть вечера.

– Прекрасный повод выспаться. Вам комфортно спится в парламентских покоях? Мне вот места не хватает. – Извор картинно расправил широкие плечи.

– На завтрашней повестке дня три вопроса, – сказал Варис.

– Петиция о предоставлении домовладения, которую не одобрит палата общин, разрешение на снос зернохранилища эпохи Среднецарствия, поскольку туда провалились четыре коровы и едва не угодил ребенок, и прокламация о наступлении Равноденствия, которое произойдет безотносительно нашего решения по этому вопросу. Так что выпитесь хорошенько, Варис.

– Извор...

– А после этого приходите в парламент. Я объявлю перерыв, и мы с вами отобедаем.

Варис сообразил, что спорить с Извором бесполезно.

– Хорошо, я приду завтра к полудню.

– Доброй ночи, Варис. На самом деле доброй.

Когда Варис вернулся к Лумивесте, она сказала:

– Тому, кто блуждает в тумане, нужен колокольный звон.

– Я... извините.

Дело было не в тумане, а в бешено вращающейся стрелке компаса. Варис смотрел на Лумивесту, на ее прекрасный наряд, и чувствовал, что сейчас скажет то, о чем серьезно пожалеет – через день, через месяц, а может, и никогда.

Мажордом снова стукнул жезлом.

– Гости, посланник желает объявить, что сейчас в Южном саду пройдет интересная и увлекательная демонстрация искусства и науки. Будьте любезны, следуйте за мной.

– Похоже, сейчас начнется спектакль, – сказал Варис. – Миледи коронесса, вы любите представления? – Он предложил ей руку.

– А там будут клоуны? – шепнула она, беря его под руку.

Над головой серп луны вспарывал облака. В саду горели светильники, как попало расставленные среди клумб. Часть сада с мощеной садовой дорожкой была отгорожена шнуром. В одном конце дорожки на столике лежало многозарядное магазинное ружье, в другом, шагах в тридцати, стояла большая круглая мишень, как для лучников, а не для стрелков.

– Досточтимые дамы и господа, – объявил мажордом, – центурион Арден Тенати!

Из тени выступил офицер в парадной форме, поклонился, снял китель и поправил подтяжки. Варис вздохнул. Неужели так было сегодня утром?

Арден Тенати взял ружье, проверил ствольную коробку, прицелился и выстрелил. Из центра мишени вылетело облачко опилок. Зрители зааплодировали, не зная, что еще делать.

Центурион передернул затвор и снова выстрелил, поразив цель. Опять передернул затвор и выстрелил.

Потом он начал быструю стрельбу, пятнадцать выстрелов в минимум, длинной грохочущей очередью. Его обволокло дымом.

– В свою гвардию я его не взяла бы, – шепнула Лумивеста Варису.

– Нам демонстрируют не точность стрельбы, – сказал он.

Лумивеста присмотрелась. Арден Тенати продолжал стрелять, как заведенный. И тут до нее дошло, в чем дело.

– Откуда берутся пули?

Сделав пятьдесят выстрелов, центурион остановился, вскинул ружье на плечо и отдал честь, едва заметно поморщившись, потому что раскаленный ствол обжигал кожу.

– Досточтимые гости, – объявил мажордом, указывая на зрителей, – научная часть представления закончена. Чародей – магистр Эмед Эрекем.

Из толпы выступил невысокий толстяк в коричневом фраке и с дурно повязанным галстуком, настолько неприметный, что до начала представления на него вряд ли кто-нибудь обратил внимание. На плече толстяка висела кожаная сумка, из которой он достал пачку патронов

– пятьдесят штук. Эмед Эрекем вытащил патрон из упаковки и щелкнул пальцами. Вспыхнула искра.

В дальнем конце сада Арден Тенати прицелился и выстрелил.

Раздались аплодисменты.

Варис окинул Эмеда Эрекема пристальным взглядом. Сумка из искусно выделанной кожи, кожаные пуговицы, из-под манжет выглядывают браслеты, сплетенные из кожаных шнуров. Судя по всему – чароплёт, творящий заклинания через скорняжный промысел. Интересно, где в данном случае сосредоточена его магия, подумал Варис, – в упаковке патронов, в браслете или где-нибудь еще?

Варис повернулся к Ардену Тенати, собираясь получше разглядеть ремень многозарядного ружья, но тут воздух дрогнул.

В дальнем конце сада сверкнула молния, послышался раскат грома. Туда быстро зашагали гвардейцы. Пока все гости смотрели на них, Варис заметил, что чародей удивленно разглядывает свои руки, а центурион едва не выронил ружье. Немного погодя капитан гвардейцев вернулся и объявил, что все в порядке, какие-то юнцы озорничают.

– У нас что, места в тюрьмах не осталось? – пробормотал издатель Пиннер, ухмыляясь в бакенбарды.

Гости внезапно вспомнили, что на улице прохладно, и потянулись в залу.

– На этой счастливой ноте представление окончено, – сказал Варис. – Не хотите ли еще потанцевать?

– С удовольствием, – ответила Лумивеста таким тоном, что у Вариса вспотели ладони.

Оркестр заиграл риколетту, парный танец. Музыка накатывала мягкими волнами, пары изящно кружили по зале.

Как только танец закончился, Лумивеста спросила:

– А когда можно уйти без того, чтобы показаться невежливым?

«Это зависит от того, чародей вы или нет», – чуть не сказал Варис под влиянием пунша, но все-таки сдержался и предложил:

– Пойдемте со мной.

Ферангардский посланник дружелюбно беседовал с Извором, но в том, как эти два здоровяка стояли друг против друга, было что-то угрожающее. Роха Серестор то и дело косился на орден, которым Извора наградила оппозиционная партия.

– ...но многое из того, что люди считают нужным и необходимым, на самом деле всего лишь то, к чему они привыкли, – говорил Роха Серестор. – Если они какое-то время проживут без этого, то забудут, почему считали его нужным.

Как оказалось, посланник прекрасно изъяснялся на лесканте.

– Таинство причащения – очень важный ритуал, – сказал Извор.

– Он способствует расколу и многое ставит под сомнение. Священнослужители утверждают, что это явление божества. А что, если они ошибаются?

– Естественно, я не осуждаю действия вашего правительства. Вы вправе поступать по-своему. Но, к вашему сведению, я вынужден сказать, что запрет причащения не встретит поддержки среди лескорийцев. По крайней мере на нашем с вами веку.

– Но вы же запретили королевское причащение, которое представляло угрозу для общего политического курса.

– Мы не запрещали Богине изъяслять свою волю через королей. Мы просто отменили королей. – Извор обернулся, как по сигналу. – О, Варис!

Он представил посланнику Вариса и Лумивесту.

– Мы с вашим отцом были знакомы, – сказал Роха Серестор Варису. – Несколько раз вместе выезжали на охоту. Вы тогда, кажется, были в отъезде... В школе?

– Да, вероятно, ваша честь.

– Нам с вами надо будет встретиться. Может, съездим на охоту. В ваших краях много дичи. Хотя и не так много, как в нашей Вировневской пуще.

– С превеликим удовольствием, – ответил Варис.

По слухам, дичи в Корварисе почти не было, но Варис даже этого не знал наверняка, потому что в последний раз выезжал на так называемую охоту десятилетним мальчишкой – гонялся за стреноженным оленем.

– И вы, коронесса из Западного Края, – продолжал посланник. – Мы восхищаемся вашим народом. Ваша сила несгибаема.

– Прошу прощения, ваша честь, – сказал Варис, – позвольте нам откланяться. Миледи коронесса уезжает завтра рано утром, я должен проводить ее в гостиницу.

– Да-да, разумеется, – кивнул посланник. – Доброй вам ночи. Мы с вами еще встретимся. Я всегда к вашим услугам.

– Доброй ночи, – сказал Извор, подкручивая ус.

Варис очень надеялся, что этот жест не нес в себе какого-то тайного смысла.

Они попрощались со знакомыми в зале – герцогиня крепко обняла Лумивесту, чем надежно привлекла внимание присутствующих, – надели плащи и сели в кэб.

Варис хотел было назвать кэбмену адрес, но Лумивеста спросила:

– А что ближе, моя гостиница или ваш дом?

– Мой дом, но...

– И где находится ваш дом?

– В квартале Целительного Камня.

– Везите нас в квартал Целительного Камня, – велела она кэбмену и, откинувшись на спинку сиденья, кивнула на мелькающие мимо фонари. – Варис, вы хорошо знаете столицу. Расскажите, где мы едем. Мне интересно.

Варис начал называть улицы и скверы, Бутербродную площадь и Сапожные ряды, Перекрестный парк и улицу Удачи, мосты и монументы, кверцийские памятники и паровые заводы и фабрики.

Лумивеста прервала его лишь однажды, чтобы спросить:

– Этот юный красавчик с герцогиней... Винтерс?

– Винтерхольм.

– Он назвал вас братом. Вы родственники?

– Нет, он ко мне так в шутку обращается. Считает, что это смешно. Наверное. А родственников у меня не осталось. Никого.

Кэб остановился перед домом Вариса. Все было кончено. Варис потянулся к дверце.

– Доброй ночи, миледи коронесса.

Она посмотрела на него:

– Вы это хотите сказать?

– По-моему, я это сказал.

– Птичий хвост.

– Простите?

– Вороний помет, как говорят горцы, – сказала она, по-западному растягивая слова, но тут же вернулась к столичной манере, – хотя в приличном обществе негоже так выражаться. Вы со мной прощаетесь? Вам действительно этого хочется? Вы не женаты, я специально узнала у Извора. И в интимных отношениях вы ни с кем не состоите. Или он ошибся?

– Нет, не ошибся, – честно сказал Варис, потому что отношения с Агатой таковыми не были. – А вы?

– Есть один очаровательный юный палион. Мы нравимся друг другу, все очень мило, но через год зачахнет от недостатка солнечного света. – Она наклонила голову. – Он не станет

вас за это уважать. Наоборот, назовет вас идиотом. Я ни на что не претендую, но доверяю его мнению.

Все складывалось чересчур совершенно: так спонтанно и непринужденно, что кровь стыла в жилах, так искренне, что явно добром не кончится. Внезапно на Вариса накатило необоримое желание, настолько физиологическое, что все его чувства разом воспротивились. Это его и спасло.

– Миледи коронесса, – сдавленно произнес он, – я не вижу ни одной причины, по которой мы не можем провести ночь вместе. А поскольку причина не делать чего-либо есть всегда, значит, я что-то упускаю, и это заставляет меня усомниться в целесообразности такого поведения.

– По-вашему, мне неведом страх, – сказала она. – Но сейчас...

– Послушайте, – сказал он, понимая, что вот-вот уступит своим желаниям, – в Листуреле невозможно что-либо утаить. Это не касается того, что происходит в заведениях на Студеной улице, они для того и предназначены. Но если вы придете ко мне в гости, об этом узнают. И вспомнят об этом, когда вы снова направите петицию в парламент. Одни сочтут, что я на вас повлиял, другие решат, что вы на меня повлияли, но все подумают, что мы с вами в сговоре. Я не могу с уверенностью предположить, как это скажется на рассмотрении вашей петиции. Я просто не представляю, как на это отреагирует ассамблея. Так что принимайте решение взвешенно, понимая, что эти отношения не ограничиваются текущим моментом.

– Я не стала бы ловить момент, если бы думала, что моментом все и ограничится, – невозмутимо сказала Лумивеста. – Хотя, безусловно, я понимаю, о чем вы... – Она рассмеялась.

Оценив шутку, Варис тоже усмехнулся. Напряжение спало.

– Знаете, такого вечера у меня не было с тех пор, как... – сказала Лумивеста. – Нет, такого вечера у меня вообще никогда не было. Благодарю вас, Варис.

– И вам спасибо, Лумивеста.

Он вышел из кэба. Кэбмен, трогая, оглянулся и покачал головой. Варис тоже покачал головой, отпер дверь и включил газовый рожок в прихожей.

На столике лежал сверток, перевязанный лентой. В нем оказался небольшой летний пирог, пахнувший изюмом и овсяной мукой, – подарок на Равноденствие от жены Хламма, камердинера Вариса. Она была прекрасной кухаркой и готовила праздничные ужины в те редкие дни, когда Варис приглашал к себе гостей. Пирога как раз хватило бы на двоих, но в доме был только Варис.

Он завернул подарок в оберточную бумагу и уложил его в саквояж, собранный для завтрашнего путешествия. Агате пирог понравится. Они съедят его вдвоем с Агатой, и Варис будет счастлив, что провел сегодняшнюю ночь в одиночестве.

Нет, подумал он, поднимаясь к себе в спальню. Агата обрадуется его приезду, и он будет этим счастлив. А сегодняшняя ночь – это другое.

В начале одиннадцатого дверной звонок развеял смутные сны. Варис надел шлафрок и спустился в прихожую. Свет резал глаза. Дверь раскрылась в невыносимо яркую белизну, хотя небо было пасмурным и пелена туч затянула солнце.

– Тобой только детей пугать, – сказал Винтерхольм, проскальзывая в прихожую. – Надеюсь, ты честно заработал эти шевроны под глазами. – Он многозначительно посмотрел на лестницу.

– Мне уже второй день подряд заявляют, что у меня невыспавшийся вид, – кисло сказал Варис. – Помнится, разгульный образ жизни подразумевает хоть какие-то удовольствия.

– А что, ее нет... Она ушла? Ты ее не пригласил?

– Вообще-то это не твое дело. Мы с ней поговорили, и она уехала домой, потому что устала. С чего тебя вдруг так интересует моя личная жизнь?

– Вот я же говорил Извору! С коронессой ты ни за что не свяжешься, даже если б в нее воплотилась сама Шиара.

– Винтерхолм, я сейчас заварю себе чая покрепче и, может, после чашечки-другой начну понимать, о чем ты вообще.

– Дружище, ты, конечно, гений, но все-таки идиот. Ты так и не понял, что наш главный лорд-парламентарий не хочет оставлять тебя одного – ни вчера вечером, ни сегодня утром?

Варис вошел на кухню. Незаменимый Хламм с вечера приготовил все для чаепития, и Варис мог бы заварить чай вслепую.

– Если Извор решил заделаться сводником, то ему... – Варис умолк и тяжело оперся ладонями о столешницу. – Ферг.

– Вот оно, озарение, – сказал Винтерхолм. – Видишь ли, те, кто организовал эту заварушку, не так уж стремятся тебя устранить. Мы сделали все, чтобы доставить им как можно больше неудобств, и они утратили интерес. Устраивать несчастный случай в посольстве слишком рискованно, тем более в присутствии важных персон и спутницы благородных кровей. Куртизанку можно подкупить, а вот коронессу... – Он вздохнул. – Что ж, можно только радоваться, что они не проявили настойчивости.

– Понятно, – сказал Варис.

– Да ладно, не расстраивайся, братишка. – Винтерхолм картинно зевнул. – Давай уже, заваривай чай. Я всю ночь был очень занят и теперь еле на ногах стою от усталости, хотя готов заколоть тигра столовым ножом. – Он схватил нож со стола и проиллюстрировал свои слова.

– Герцогиня... Ты шутишь? А если не шутишь, то я тебя слушать не стану.

– Меня никто и никогда не слушает, – уныло сказал Винтерхолм и вытащил из кармана бумажный пакетик. – Вот, печенье. Угощайся. – Он взял чашку с чаем. – А, вот тут еще. – Порывшись в кармане, он протянул Варису блестящий холодный предмет – медную гильзу от ружейного патрона. – «Мирит опрана» тридцатого калибра.

– Что это?

– Это то, чем вчера стрелял центурион в посольстве.

Варис поглядел на гильзу – самая обычная, ничего особенного.

– И где ты ее нашел?

– В кустах, неподалеку от того места, где стоял стрелок. Судя по траектории, чародей промахнулся.

– Один раз?

– Несколько. Я за пару инстант отыскал три штуки. Похоже, каждый четвертый патрон оказывался не в магазине, а где-нибудь в другом месте.

– А взрыв – твоих рук дело?

Винтерхолм улыбнулся, раскрыл ладонь и щелкнул пальцами. На ладони появилась еще одна гильза.

– Люксиватор продал мне горсть порошка для вспышки.

Варис отложил гильзу, выпил чаю и надкусил печенье.

– Всего лишь каждый четвертый – не так уж и плохо.

– Ну, зависит от обстоятельств. Но и это еще не все. Ты обратил внимание на посольских гвардейцев?

– Только на того, который оскорбил чарокнижника... – Поразмыслив, Варис сказал: – Но Мирная администрация не слишком приветчает чародеев.

– Я не об этом. Гвардейцы обычно вооружены карабинами. Но вчера вечером карабинов не было ни у кого. Может быть, Мирная администрация решила начать программу разоружения...

– Очень смешно, Винтерхолм.

– А может, чары Эмеда Эрекема не отличают один магазин от другого. В бою это чревато множеством проблем.

Варис задумчиво посмотрел на гильзу:

– Значит, вчера нам просто устроили спектакль? Или хотели внушить, что это просто спектакль?

– Нет, братишка, для меня это слишком заумные рассуждения. А учитывая твоё мнение о том, как ферангардская партия Мира относится к чародейству, вы с главным лордом-парламентарием сами разбирайтесь, что это означает. Только сделайте мне одно маленькое одолжение – если нам грозит война с Ферангардом, дай мне знать. Острову Давеск срочно требуется пятидесятый герцог.

– А как ты...

– Ты же сказал, что слушать этого не станешь. В общем, скажу только, что там необходимо осушить утиный пруд.

– Ладно, хватит. Когда ты приедешь к Странжу?

– Я задержусь на денек. Передай всем мои извинения и большой привет.

– Разумеется. Который час?

– Почти одиннадцать.

– Что ж, мне пора собираться. Увидимся в светлень.

– Ежели Богиня не передумает, – сказал Винтерхольм, спрятал в карман остатки печенья и вышел, насвистывая.

Варис осторожно побрился, оделся и оценил погоду. Было прохладно, однако небо кое-где голубело, а с севера дул свежий ветер. Варис выбрал шляпу, легкое пальто и трость – без спрятанного в ней клинка, но все же с утяжелением, – и решил пройтись пешком два мила до парламента.

Туда он добрался к половине первого. Утреннее заседание уже закончилось, в здании почти никого не осталось. Извор сидел у себя в кабинете.

– Рад видеть вас, Варис. Хорошо выглядите.

– Да, спасибо.

– Простите, вам придется немного подождать. Утро прошло в суете, ассамблея хотела закончить все дела до перерыва, и нам это удалось, но... Попрошу-ка я принести нам чаю.

– Извор, а в Ферангарде действительно объявили таинство причащения вне закона?

Извор отложил бумаги и взглянул на Вариса поверх очков. Его пушистые усы слегка обвисли.

– Как официальную церемонию – да.

– По-вашему, это не важно?

– Мне очень интересно, как им удастся обеспечить соблюдение этого закона.

– И Каббельсу наверняка тоже интересно.

– Вы считаете, что Каббельс как-то связан с Рохой Серестором?

– Нет, конечно. Он на это не способен. У Каббельса есть одно-единственное достоинство – он не в состоянии относиться к другим как к равным. – Варис едва заметно улыбнулся. – Посланнику он не понравится.

Извор откинулся на спинку кресла и кивнул:

– Да, вы правы.

– Дело не в Каббельсе. Если партии Мира удалось провести такой закон...

– Варис, – невозмутимо сказал Извор, – вы когда-нибудь присутствовали на таинстве причащения чаробраза? Не в Ферангарде, а здесь, в Лескории.

– Нет.

– Нет. Вас следует называть аниконистом, потому что «атеист» по закону считается оскорблением. И отец ваш не был человеком верующим. Варис, причащение – это когда Богиня воплощается в тело чаробраза...

– Да, я знаю. Березар вот-вот станет чаробразом капеллы...

– ...воплощается в тело чаробраза, в буквальном смысле слова. Творится волшебство, немедленно даются ответы на мольбы, голосом Богини. Знаете, что делают, когда Богиня снисходит? Люди несут в горсти иссохшую землю, просят ее возродить. Приводят увечных детей, безумных тетушек и бесплодных жен и умоляют: «О Богиня, исправь дело рук Твоих». Привозят трупы и просят их воскресить. – Извор подался вперед. – Иногда, Варис, иногда... они воскресают. Но это не благословение. – Он придавил руками бумаги – законопроекты, костяк конституционных изменений. – Все это невозможно уничтожить простым объявлением вне закона. По-моему, это глупость. Все закончится репрессиями и катастрофой. Но я не могу укорять их за попытку взять это под какой-то контроль. – Он взмахнул рукой. – Роха Серестор прав касательно королевского причащения. Даже если правитель оставался в живых после церемонии, то это пагубно влияло на политический курс.

– Что ж, – сказал Варис. – А зачем преследовать чародеев?

– У вас сегодня очень странное настроение, – сказал Извор. – Вы не верите в Богиню, не верите в пользу магии, но хотите вмешаться в действия дружественного нам правительства из-за того и другого.

– Я не хочу вмешиваться, – медленно произнес Варис. – И я вовсе не уверен в дружественных намерениях этого правительства.

– Ну наконец-то. Садитесь, Варис.

Он сел. Извор вытащил из-под разбросанных по столу документов толстую картонную папку. Варис знал, что это часть досье, которое не хранится в парламенте. Название папки, как и документы в ней, было зашифровано.

– Это на кого?

– На Роху Серестора. Я не так стар и слеп, как вы думаете. Посланник мне тоже не нравится; он, как и наш раскритикованный верховный судья, не видит дальше своего носа и имеет это прозорливостью.

Варис перелистал страницы. Шифр он знал наизусть, но сначала следовало раскодировать документы.

– Что здесь у нас?

– Не так уж и много. Настоящих фанатиков, в отличие от лицемеров, очень трудно шантажировать. Однако же что бы мы ни думали о посланнике, он законный представитель суверенного государства, такого же древнего и цивилизованного, как и наше. И все то, что происходит в Ферангарде, нас не касается до тех пор, пока оно остается в Ферангарде... за исключением тех случаев, когда это может послужить примером, хорошим или дурным, для реформ нашей конституции. – Извор говорил ровным голосом, без всякого брюзжания, как будто читал лекцию, а не нотацию.

Выслушав его, Варис кивнул.

– И это все? – спросил Извор. – Послушный кивок и ничего больше?

– Вы хотите, чтобы я с вами подискутировал?

– Мне интересно услышать, что вы можете на это сказать.

– Мне нечего сказать. Вы правы. Прошу прощения.

– Варис... – Извор встал и, сцепив руки, вышел из-за стола. – Вчерашнее выступление магистра Кладена... Как вам удалось добиться этого без какого-либо видимого вмешательства?

– Отношения между магистром и учениками – вещь тонкая, – ответил Варис, стараясь превратить все в шутку.

– Вы заслуживаете моей благодарности, – произнес Извор без улыбки. – И я вам очень благодарен. Варис, новая редакция конституции – самое важное дело моей жизни. Последнее дело моей жизни. – Помолчав, он добавил: – Любой другой сейчас сказал бы мне: «Нет, милорд, вы будете жить вечно». Но не вы.

– Вам жаль?

– Ваше постоянство очень обнадеживает и внушает уверенность. Точно так же я уверен, что после моей кончины вы не припишете себе никаких заслуг и ни словом не обмолвитесь о своем участии в работе над новой конституцией. Не из ложной скромности – я надеюсь, что вы когда-нибудь переборете это чувство, – а потому, что это не ваше начинание. Вам надо заняться чем-нибудь таким, что будет целиком и полностью вашим.

– Возможно, – сказал Варис. – Но, как вы вчера заметили, нам предстоит долгий путь. Сейчас у меня нет времени об этом задумываться.

– А когда время появится, вы все равно об этом не задумаетесь. У вас такой недостаток, Варис. Вы не эгоистичны, вам совершенно неведома алчность, но вы не способны делиться.

– Что ж...

– Нет, вы не понимаете. Вы вложили свою репутацию, состояние и силы в проект, который вам не принадлежит. – Он умолк, посмотрел на Вариса и негромко добавил: – Вот в чем проблема. Любой другой – даже обычный клерк, и, уж конечно, лорд-землевладелец – давным-давно обозвал бы меня неблагодарной сволочью, если не вслух, то взглядом или мысленно. А вы всем довольны.

– Вы хотите, чтобы я был недоволен?

– Так было бы проще. И нет, я вовсе не об этом. Я пытаюсь объяснить, что в один прекрасный день вы, как сейчас я, увидите, что дело всей вашей жизни вот-вот завершится успехом и перед вами человек, который помог вам этого достичь. А поскольку Богиня никогда не повторяется в своих творениях, этот человек в отличие от вас захочет разделить с вами заслуженную славу. Но вы этого не допустите.

Наступило молчание. Варис понимал, что, рассуждая логически, следует спросить Извора, за гипотетическое будущее Вариса он тревожится или за свое. К счастью, Извор тоже это понимал, и оба они знали ответ (какой уж есть), поэтому никаких затруднений в разговоре не возникло.

Варис опять попытался пошутить, но без особого успеха:

– Кстати, о великом деле моей жизни... вы не боитесь, что это будет война с Ферангардом?

– Нет, – сказал Извор. – Вы же не безумец. В вас бушует ярость, но вы скрываете ее от всех, даже от себя. Вы рассудительны, спокойны и очень мудры, несмотря на ваши годы. Я слышал ваши рассказы о кавалерийских атаках в чужих краях – вы хорошо представляете себе, что такое современная война. Вы ее не начнете.

Оба они, как торговцы, жили маржой, в границах между тем, что люди говорят о своих намерениях, и тем, что эти люди делают. И со временем, как и торговцы, Извор и Варис утратили способность рассматривать что бы то ни было, не учитывая этих границ.

Оба они так хорошо понимали друг друга, что следующее заявление Извора потрясло Вариса до глубины души.

– Не надо так, Варис, – сдавленно сказал Извор, будто исходил кровью. – Негоже нам с вами расставаться на такой ноте.

На полминимы Варис утратил дар речи.

– Я просто уезжаю к Странжу на праздники, – наконец сказал он. – Через два мерклёня вернусь. А у Странжа есть магнограф, вы же знаете.

– Конечно, знаю.

– Извор, наступает Равноденствие. Сходите в театр или на концерт... или приезжайте к Странжу. Вы с ним когда виделись?

– Очень давно, – сказал Извор; в его голосе звучало облегчение. – Прошу вас, передайте Странжу, что я скоро приеду. Но не сейчас. – Он посмотрел вверх, будто вглядывался в развеваяющуюся дымку. – Пожалуй, к Равноденствию. Так что пусть готовит игральные карты и прячет золото под замок.

– Я так и передам. Он обрадуется.

– И я тоже. Что ж, пойдемте, пообедаем. А потом вам пора на поезд.

Глава 2

Дорога и небосвод

Извор с Варисом вышли из здания парламента и пересекли парк Королей Кларити. Извор шагал энергично, приподнимал цилиндр, раскланиваясь со знакомыми и незнакомыми, а потом бросил серебряный талер бродячей циркачке, которая ловко поймала монетку, подкинула ее в воздух вместе с тряпичными мячиками – и монетка исчезла из виду.

– Мне очень приятно, что у вас хорошее настроение, – сказал Варис.

– Всегда приятно быть в хорошем настроении, – ответил Извор. – И приятно на несколько дней выбраться из этой законодательной мясорубки. – Он посмотрел на Вариса. – И приятно слышать, что вы выражаете свое удовольствие.

Он резко отвернулся, встал на мраморный бордюр у фонтана, прошел по нему чуть больше половины, аккуратно переставляя ноги, потом грузно прыгнул и застонал. Варис быстрым шагом подошел к нему.

– Спасибо, досточтимый господин, – сказал Извор, – но родители не велят мне разговаривать с незнакомцами, особенно у административных зданий. – Он посмотрел куда-то вдаль, за спину Вариса. – Хотя если вы согласитесь провести меня вон туда, я не откажусь.

Варис обернулся. Посреди парка человек десять окружили чудесника. Над его головой парили яркие шелковые шарфы, а в воздухе мелькали сверкающие стекляшки и кусочки металла. Самого чудесника было почти не разглядеть под длинным одеянием темного бархата, расшитого золотистыми небесными символами. На юге такие одеяния именовали пафосно и зловеще – Звездная Мантия, Покров Ночи и тому подобное, – а среди чудесников они были известны под названием Черный Балахон; наряд позволял сливаться с тенями, особенно если поблизости шныряли приставы.

– Я хочу посмотреть на мираклиста, – детским голоском пропищал Извор. – Один достал у меня из носа монетку, а из уха – зеленый мраморный шарик, очень красивый. – Он обиженно выпятил губы. – Только не говорите мне, что это просто фокус.

– Куда мы пойдем обедать? – невозмутимо спросил Варис. – Не хочется опаздывать на поезд.

Извор коснулся его руки.

– Да-да, конечно, – сказал он своим нормальным тоном. – Вот сюда. Мы там уже были. Они направились на восток.

По Жаворонковой улице, у восточной оконечности парка, образовался затор – столичные жители выезжали на отдых. Варис и Извор пробирались между упряжками и каретами на высоких колесах. Из телеги с грузом, уложенным на лед, капала талая вода. В дилижансе, обвешанном багажом, бурно возмущались пассажиры. Кучер на козлах, намотав вожжи на руку, сосредоточенно перелистывал Книгу-колоду.

Варис догадывался, где их ждет обед. Они свернули на узкую улицу, мрачную и зловещую, и подошли к зданию на углу какого-то подозрительного проулка. Дверь была распахнута.

Над входом висела газовая лампа под колпаком дутого стекла, сизо-синего, как зимнее небо. За широким окном, расписанным золотыми завитками, виднелись расплывчатые огоньки.

Сняв цилиндр, Извор переступил порог. Варис шагнул следом.

Внутри было сумрачно, высокий потолок скрывался в темноте; настольные лампы витражного стекла расплескивали лужицы света по дамастовым скатертям. Неподвижный прогретый воздух пах чаем и корицей. Длинную часть Г-образного помещения заполняли столики и стулья, а в короткой находились застекленный прилавок с пирожными и дверь в кухню.

Худощавый человек, немного выше Вариса, вышел из-за резной деревянной ширмы. На нем были белая сорочка и перепачканный белый фартук.

– Извор, рад вас видеть. И вас, Варис. Надеюсь, вы пришли пообедать?

– Добрый день, Клест, – сказал Извор. – Да, мы пообедаем. Меню не надо. Удивите нас чем-нибудь.

– Садитесь, я все устрою. – Клест радушно развел руки, поклонился и ушел на кухню. Его светлые волосы были связаны в длинный, почти до пояса, хвост, забранный в сеточку и перевитый белой лентой.

Из десяти столиков были заняты два; за одним сидела пара, за другим – трое. Один из посетителей взглянул на Извора с Варисом и улыбнулся, остальные не обращали на них внимания. Извор направился к столику у прилавка с пирожными; Варис переставил стул к стене и уселся лицом ко входу.

В центре столика стояла высокая узкая ваза с четырьмя синими розами. Варис сдвинул ее в угол.

– Места же хватает, – сказал Извор. – Или это символический жест?

– Мне очень неромантично прискучили бессмысленные романтические символы, – вздохнул Варис.

– Синие розы – очень редкие и нежные цветы.

– Редкость – понятие относительное, а нежность зависит от ситуации. На севере они растут и увядают с безумным упрямством. Крестьяне считают их сорняками, но не выпалывают, а с радостью продают южанам. За большие деньги.

– Вы давно были на севере, Варис? В смысле в Корварисе?

– Лет шесть назад. Нет, семь. Сразу после того, как приняли закон о мостах и дорогах. Помните, вы сказали, что мне лучше на время покинуть столицу? Вот тогда я и решил навестить фамильный мавзолей.

– Я думал, вы съездите к Странжу.

– Я слишком ценю его радушие и не хочу им злоупотреблять.

Извор укоризненно посмотрел на него, но промолчал.

– К тому же туда могла приехать Агата. А я был не в том состоянии, чтобы с ней встречаться.

– А вот теперь мне кажется, – очень тихо произнес Извор, – что вы действительно не цените радушие Странжа, если считаете, что он не сумел бы все уладить.

– Простите меня, пожалуйста.

Извор покачал головой и так же тихо продолжил:

– Я не имею права просить вас не упоминать о ней. Больше всего мне жаль, что я причинил ей такое горе.

– В горе Агаты нет ни злобы, ни обиды, а ваши сожаления огорчат ее еще больше.

– Вы сейчас говорите как северянин, – сказал Извор. – Это оттого, что я напомнил вам о Севере, или по какой-то другой причине?

Клест вышел из кухни и поставил на стол две тарелки под стеклянными колпаками и корзинку хлеба.

– По-моему, вам понравится. Только дайте мне слово, милорд Извор, что вы сперва попробуете, а потом посолите, а вы, милорд Варис, будете есть с чувством, с толком и с расстановкой, а не просто заглатывать пищу.

Оба согласились, и Клест снял с тарелок запотевшие стеклянные колпаки.

– Чай сейчас будет, – сказал он и снова ушел на кухню.

Извор проводил его долгим взглядом.

Варису досталась красная рыба, нарезанная тонкими ломтиками, обжаренная на гриле, приправленная пряными травами и выложенная на тончайшую вермишель в сливочном соусе. На тарелке Извора были омлет и куриное филе, почти такое же красное, как рыба, – от запаха острого перца у Вариса защекотало в носу. Извор отрезал кусок курицы и отправил его в рот. На лбу Извора тут же выступила испарина. Он улыбнулся.

– А копченую рыбу вы не любите, – съязвил Варис.

– Я люблю острое, а не соленое. Ох! – Извор взял бокал воды, осушил его на треть и заел ломтиком свежайшего хлеба с сыром и зеленью.

Клест принес чай и большой хрустальный графин с водой.

– Ну как?

– Про соль это вы напрасно, Клест, – сказал Извор.

– Ничего подобного.

– Вы правы. Восхитительное блюдо.

Клест кивнул и вопросительно посмотрел на Вариса.

– Очень вкусно, спасибо, Клест. А разве уже начался сезон красной рыбы?

– Вы же знаете, до него еще несколько недель. Эту доставили алинсейские моряки на корабле с паровым двигателем. Он обогнал весь торговый флот. Ну что, я сообщил вам что-то новенькое?

– Да, спасибо, – сказал Варис.

Клест поклонился и снова ушел на кухню.

Извор изящно взял столовые приборы, легонько коснулся омлета зубцами вилки. Брови его удивленно изогнулись, а усы подрагивали, как у любопытного кролика.

– Нет уж, Извор, я не собираюсь вступать с вами в дискуссию о достоинствах кораблей, оснащенных паровыми двигателями. Парламент распущен на каникулы, – сказал Варис.

Извор облегченно вздохнул и вернулся к еде.

У входа послышался какой-то шум. Варис посмотрел на дверь. Невысокий толстяк с прижатой к груди коричневой кожаной папкой быстро оглядел ресторан и нерешительно направился к Извору.

– Милорд главный парламентарий! Спасибо Лейве, она подсказала, где вас искать.

– Вы нас нашли, Чеглок.

Чеглок, пухлый коротышка, был сложен очень непропорционально: голова и руки словно бы принадлежали человеку намного крупнее, а ноги казались плохо приспособленными для ходьбы.

Он был депутатом палаты общин от Пихтона, довольно скромного городка в коронате Чернодол, граничащего на юго-востоке с Корварисом, владениями Вариса.

– Прошу прощения, милорд корон...

– Ничего страшного, досточтимый депутат, – сказал Извор. – Не хотите составить нам компанию?

– Красная рыба сегодня очень вкусная, – сказал Варис, подтверждая приглашение.

– Ой, нет-нет, я не могу. Я на праздники еду домой, мой поезд отходит в двенадцать миним четвертого... Дело в том, что мне только что доставили сведения с угольной биржи для Баклера, Туроскока и Громса, цены упали...

– Спасибо, Чеглок, – сказал Извор.

Словно бы не слыша, Чеглок положил папку на стол и раскрыл ее.

– Вот здесь, в таблице на странице восемь, строки с шестнадцатой по сороковую, указывают на серьезную...

– Я обязательно ознакомлюсь с этими данными в помещении, где больше света и удобнее читать.

До Чеглока наконец-то дошло.

– Ах да, конечно. – Он закрыл папку и заявил так громко, что Клест выглянул из кухни:

– Там цифры говорят сами за себя.

Он обменялся рукопожатием с Извором, поклонился Варису, купил у Клеста пакет пончиков и вышел из ресторана. Варис посмотрел в окно и увидел, что Чеглок вытащил из пакета горячий пончик, с наслаждением вгрызся в него и зашагал дальше.

Извор неторопливо положил папку на пол и удовлетворенно откинулся на спинку стула.

– В чем дело? – спросил Варис.

– Всякий раз при встрече с этим милым коротышкой у вас делается такое лицо, будто вы хотите схватиться за оружие.

– Неужели это так заметно?

– Значит, вы ему... не доверяете?

– Мои предки приложили много усилий, чтобы завоевать его предков или убить их всех и отобрать все, что выпало у них из рук. На севере кровь размывает время, Извор.

– Мне так нравится ваше северное наречие... звучит ласково, а нрав у людей суровый.

С нарочито северным выговором Варис произнес:

– Егда пригубишь кровь, пей, дондеже осушишь чашу до дна, а не то обратится в яд.

– Кверцийский, – сказал Извор. – В речи северян и западинов больше всего сохранились следы кверцийского. У южан было больше связей с внешним миром из-за выхода к океану, и язык местных жителей смешивался с другими наречиями. А восточные области Блистательная империя никогда не контролировала.

– Сильверн рассказывал мне про надгробия. «Под этой памятной плитой лежат лучшие воины Семнадцатого легиона. Пусть камень станет их проклятием для этих каменных людей». На Востоке могильные плиты не разрушают.

– В гневе вы уподобляетесь государственному мужу, Варис.

– Разве я гневаюсь?

– Чем больше северянина обуревают чувства, тем тише он говорит. А вы теперь почти шепчете. Я понимаю, что вы хотели присутствовать на сегодняшнем заседании, но, поверьте, там ничего особенного не произошло. Правда, некоторые лорды чародейские сверкали глазами, узнав, с кем позавчера кутили их ученики. Ничего страшного, после парламентских каникул они об этом забудут.

– Или наоборот, прибавят к прошлым обидам.

– Что ж, понятно, почему вы не доверяете Чеглоку.

– Я ему доверяю. И считаю, что за его несуразной внешностью скрываются большие способности.

Извор съел еще ломтик обжигающе пряной курятины и, заливая пожар, сделал глоток чаю.

– Будьте добры, дайте мне оценку Чеглока. В общем, как человека. Почему он здесь, в столице, а не управляет шахтой или фабрикой?

– Потому что его семейство не занимается обычной торговлей, – сказал Варис. – Таких на Севере много: первенец не оправдал надежд, обделен талантом чародейства, а церковь так привередлива, что... в общем, ему подыскали пост в парламенте.

– По-вашему, он принес бы больше пользы в другом месте?

– Конечно.

– В каком университете?

– В Чернодольском.

Извор рассмеялся:

– А Фирна, эта пустышка? Безусловно, она лучше корона Перната, которому место в парламенте принадлежит по праву рождения. Он отправил Фирну в столицу, а сам прохлаждается в своих владениях, где местные жители прячут от него малолетних дочерей... – продолжил Варис.

Извор медленно повернул голову и окинул взглядом посетителей. Таким образом он не только проверял, не проявляет ли кто-нибудь интереса к их разговору, но без слов просил Вариса выбирать выражения. Однако никто не обращал на них внимания, а все, что говорилось, секретом ни для кого не было.

В любом случае это ничего не изменит. Какая жалость!

– Возможно, после моего ухода делом вашей жизни должно стать как раз вот это – выборы коронов по заслугам, – сказал Извор.

На этом спор завершился, и оба снова принялись за еду, пока не остыло.

Клест то и дело появлялся в зале, подливал воду и чай, приносил десерт другим посетителям, убирал со столиков. Наконец в ресторане остались только Извор с Варисом.

– А все-таки я снова вас попрошу: приезжайте к Странжу, – сказал Варис.

Ему очень хотелось добавить: «Чтобы Агата вас простила», – но он сдержался.

– Попросить-то можно, – сказал Извор, – но я отвечу: «Нет, спасибо, в другой раз».

Подошел Клест и уселся на стул, повернув его спинкой вперед.

– Сегодня мы закрываемся пораньше, а чтобы еда не пропала, я решил устроить вечеринку для завсегдатаев. Может, и вы останетесь?

– Нет, извините, – сказал Варис. – Мне нужно на поезд.

Извор побарабанил пальцами по столу:

– Я с удовольствием спасу от страшной участи какую-нибудь невинную булочку или пирожное.

– Спасибо, Извор. А вы, милорд Варис? Вы же знаете, чем кормят в поездах. Возьмите что-нибудь с собой. Например, плетеники с вареньем? Они в дороге не раскрошатся. Только не отказывайтесь.

– Не откажусь.

– С яблочным, вишневым или с жалостевым?

Извор усмехнулся:

– С вишневым, пожалуйста. Спасибо, Клест.

Клест вернулся на кухню.

– Сильверну понравится, – сказал Варис. – Только слова о еде в поездах я повторять не буду, он обидится. А вот Эдеа, как ни странно, посмеялась бы.

– Вы плохо понимаете отношения между супругами.

– А вы? Вдобавок они не супруги. Они консейль. – Варис через силу улыбнулся. – И об этих отношениях мне действительно ничего не известно.

– И мне тоже. – Извор посмотрел на дверь в кухню и на прилавок с пирожными. – Как вы думаете, если бы в Лескории тысячу лет назад случился не великий голод, а великий потоп, чума или пожар, мы бы до сих пор дарили друг другу лодки, лекарства или кадки с водой?

Варис взглянул на часы:

– Уже почти половина второго. Мне пора, Извор.

– Не спешите. Клест вызовет кэб...

– Вы же видели, что творится на улицах. Пешком я дойду быстрее. По крышам кэбов. – Варис встал. – Спасибо за прекрасный обед, Извор. Желаю вам приятного празднества.

– А как же пожелания доброго пути к Богине? Погодите. – Извор взял из вазы синюю розу и, обломав стебель, вставил ее в петлицу на лацкане Вариса. – Вот теперь вы выглядите как романтик, и вас никто не узнает. Мы с вами достойно прощаемся и достойно встретимся. Передайте от меня привет Странжу.

– Обязательно.

Варис сунул пакет с плетениками под мышку и взял трость. В дверях он остановился и оглянулся. Клест стоял у стола, обеими руками ласково сжимая ладонь Извора. Вот и славно, подумал Варис, выходя из ресторана. Извор не останется в одиночестве.

Теперь надо было пересечь весь Листурель. На Жаворонковой улице за это время почти ничего не изменилось: дилижанс продвинулся на полквартала, но пассажиры по-прежнему возмущались, а кучер по-прежнему не обращал на них внимания и продолжал раскладывать карты.

Уличное движение в столице оставляло желать лучшего. Каждый год в парламенте рассматривали петицию о расширении дорог у Привратного парка и парка Королей Кларити, и каждый год ее отклоняли. Часто кому-то в голову приходила мысль построить над существующими дорогами магистрали на чугунных опорах (или, если умник мыслил масштабно, – на каменных виадуках). В последнее время стали выдвигать требования проложить по мостам путевое полотно. Ни одна из этих попыток подвесить колокольчик на шею коту не объясняла, как обеспечить доступ света и воздуха к нижнему уровню, как бороться со ржавчиной и сыростью на верхнем уровне и что делать с искрами, горячей золой, металлической стружкой и пеплом, которые сыпались бы вниз, если запустить движители и составы высоко над землей.

Горячая зола. С высоты. Еще одна проблема, о которой парламент и не подозревал. В Листуреле было много десяти- и двенадцатиэтажных домов с фасадами кованого железа. Вот и сейчас за торговыми рядами у парка виднелись темные громады с окнами под нависшими козырьками. Как пожарным забраться на крышу? Как подать туда воду?

Варис представил, что люди выпрыгивают с немыслимой высоты из этих окон, охваченных пламенем и дымом, словно посреди столицы разверзлось жерло вулкана и темный аспект Богини требовал жертвоприношений...

Он невольно ускорил шаг. Листурель становился ему ненавистен. Хотелось уехать куда-нибудь подальше, прочь из этого прекрасного древнего города. Нет, так нельзя, подумал Варис. Нельзя уезжать в гнев; не стоит, уходя, хлопать дверью. Парламента больше нигде нет. Нет никакого другого места, которое бы значило для Вариса больше.

У Странжа он обретет отдых в компании друзей и единомышленников и даже, быть может, необходимое убежище от тягот мира. Усадьба Странжа и впрямь убежище, но не сам мир.

Некоторые полагали, что Странж намерен завещать усадьбу Варису. Сам Варис находил такую перспективу чересчур далекой и чересчур лестной, чтобы воспринимать ее всерьез. Допустим, Странж и впрямь умрет – лет через десять, двадцать, а то и пятьдесят. К тому времени Эдеа захочет уйти на покой, да и Березар отойдет от дел. Лучшим кандидатом, безусловно, была Эдеа – самая здравомыслящая из всех, самая понимающая. С такой характеристикой согласился бы даже Березар, который через несколько дней станет четвертым верховным священнослужителем страны.

Послышался грохот; Варис посторонился. Двуколка, взгромоздившись колесом на тротуар, обогнала тяжело груженный угольный возок. Варис пробормотал что-то не очень приятное, вытащил из кармана карандаш и записал номер кэба на бумажном пакете с плетениками.

Уличное движение... В Укромном Заливе пробовали запускать электрические вагончики, которые не осыпают искрами паруса и корабельную оснастку и не изрыгают сажу и копоть, оседающую на драгоценных грузах: чае, шелке и рисе. Мощность движителей, установленных на вагончики, была невелика, и ток от динамо-машины на большие расстояния не

передать, поэтому нововведение ограничивалось лишь территорией центральных доков. Тем не менее вагончики ездили, и докеры, которые поначалу при виде сыплющих искрами движителей осеяли себя осторожными жестами и подначивали друг друга прокатиться на таком страшилище, теперь привыкли к новым устройствам и с удовольствием позировали на их фоне для люксивов. Уж наверняка столичные власти не захотят отставать от времени, и вскоре такие же электрические вагончики появятся в Листуреле.

Варис свернул в узкий переулок, куда не могли проехать ни экипажи, ни телеги. В домах по обе стороны виднелись вывески книжных лавок и магазинов канцелярских принадлежностей, облепленные рекламой чернил и бумаги, ручек и карандашей, типографских услуг – «большие и маленькие тиражи», – и всевозможных публикаций типа «Новый сборник Шершня: „Статьи из „Звезды““, „Серия любовных романов „Легенды Апиарии““, подписка на новые еженедельные выпуски – „2/3 розничной цены, в прочных клееных переплетах“, мыло для бритья „Вежеталь“»... гм, а это тут откуда взялось?

В переулке было тихо; почти все магазины закрылись на праздники. Варис свернул за угол. По другую сторону широкой площади, где на бетоне и каменных плитах волновалось людское море, высилось здание Гранд-вокзала.

Вокзальный фасад – вогнутую стену серого гранита в два квартала длиной и в четыре этажа высотой – украшали пилястры и широкие пролеты центральной лестницы. Вдоль карниза тянулся фриз с изображением истории транспорта: пешеходы брели за телегами, которые катились за всадниками, которые преследовали кверцийские колесницы, которые неслись за квадригами, а те безуспешно пытались обогнать первый движитель, на всех парах несущийся за «Лескорийским величием», чемпионом ходовых испытаний Черносклона.

Вся площадь перед зданием вокзала была заполнена людьми, багажом и голубями; все находилось в постоянном движении. Не двигались только разносчики газет в перерыве между утренними и вечерними выпусками; вечерние газеты выйдут примерно через час, и доставят их сюда еще через какое-то время. Немногочисленные приставы подгоняли замешкавшихся прохожих, оберегая рассеянных и усталых пассажиров от карманников и багажных воришек.

Варис поднялся по ступеням, не мешкая, но и не торопясь, увернулся от полудюжины столкновений и вошел в центральный зал Гранд-вокзала.

Зал тянулся на два квартала, закругляясь вправо и влево. Он имел ширину шагов двадцать и венчался сводчатым потолком на высоте четырехэтажного здания. Тринадцать двуплостных стрельчатых арок в стиле архитектуры Среднецарствия делили зал на двенадцать выходов к платформам. На две трети от пола арки были сквозными. Камень по обе стороны сквозных отверстий покрывала замысловатая резьба, а верхний угол со стороны платформы занимало витражное окно. Сквозь эти окна падали косые солнечные лучи, в которых вились пылинки; по залу разносилось эхо шагов и голосов.

Варис поднял взгляд к панели ближайшей арки. Все арки имели пропорции идеального кверцийского прямоугольника: отношение стороны квадрата к его диагонали. Сквозное пространство под аркой имело форму правильного квадрата, таким образом панель над ним тоже являла собой кверцийский прямоугольник, а квадратный витраж на самом верху создавал третий такой прямоугольник. Углы меньших квадратов соединяла рифленая каменная дуга, которая шла от вершины со стороны платформы до пола с противоположной стороны. Такая линия именуется спиралью роста; ее можно увидеть и в раковине улитки, и в расположении лепестков цветка. Верующие считали ее священным символом Шиары.

По замыслу архитектора зал должен был выглядеть как раскрытая Книга-колода, а панели представляли карты, поставленные вертикально. Гильдия чарокнижников нашла затею лестной, но возмутительной – какие именно карты, по мнению этого дилетанта, входят в расклад для столичного Гранд-вокзала? Потому что именно так (по их словам) следовало это толковать.

Корон Туроскок, в те годы моложе Вариса сейчас, придумал, как разрешить затруднение. Он предложил, чтобы каждая арочная панель олицетворяла определенный город, который бы и принес ее в дар (Листурелю отвели две арки, обрамлявшие центральный вход); теперь резные рельефы изображали рыбу и торговые корабли Укромного Залива, уголь и лес Чернодола, овец и университетские шпильки (многие усматривали в этом насмешку) Аскорея. Туроскок убедил города, что хвалиться следует щедростью и красотой, а не гордыней и мощью. Этот старый хитрец добился от чарокнижников пожертвования в фонд строительства вокзала, подчеркнув, что панели, напоминающие раскрытую Книгу-колоду, наведут путешественников на мысли о чтении – правда, не уточнил, каком именно.

Первый этаж Гранд-вокзала, начиная от самого входа, занимали торговцы: съестные лавки (не только Клест с подозрением относился к тому, как кормили в поездах), газетные киоски, магазинчики, где продавали шляпы, перчатки и зонтики для забывчивых или на случай перемены погоды. Вывески со сдержанной гордостью сообщали, что здесь продаются галантерейные товары «Айвори и Айвори», «Фелтон и Сплин», трости от Батоги и прочих модных ателье поскромнее. Этажом выше располагались рестораны, парикмахерские, на удивление тихая таверна «Последний вагон» и Книжный салон, словно в подтверждение симпатической магии.

На верхних этажах находились кабинеты сотрудников и руководства железных путей, а в центре, на самом верху, откуда открывался великолепный вид на весь город, устроили директорский банкетный зал. Варис ужинал там дважды, по приглашению Эдеи. Оба раза блюда присылали из лучших столичных ресторанов.

Варис решил купить подарок Странжу – что-нибудь поинтереснее, чем еда. Неподалеку он заметил небольшой магазинчик, где за длинным застекленным прилавком стояла худенькая девчушка с длинными просяными волосами.

Почти сразу Варис нашел подходящую вещь: толстую авторучку из искусственного черного мрамора с серебряной отделкой и серебряной же цепочкой, прикрепленной к броши-шатлену.

Скучающая продавщица оживилась.

– Прелестная и весьма полезительная вещица, досточтимый господин, – сказала она, выговаривая слова на северный манер. – По правде сказать, я сначала не поняла, зачем оно, но ведь ручки все время теряют, забывают где-нибудь или просто смахивают на пол. Так что вот, видите... – Она достала из кармана авторучку попроще, но тоже со шнурком и шатленом, и выписала торговый счет. – Это для вас, досточтимый, или в подарок?

– В подарок.

– Ах, тогда позвольте предложить что-нибудь поизящнее. У нас есть шатлен, инкрустированный бирюзой. Очень красивый. И цепочка к нему прилагается из чистого серебра, у вас тут просто посеребренная. Если хотите, я все мигом заменю, мне не трудно.

– Нет, спасибо.

– А подарочная обертка? Мы предлагаем ее бесплатно, много времени она не займет.

– Да, благодарю вас. Времени у меня достаточно.

Пока она доставала бумагу и отмеряла ленту, Варис спросил:

– А вы откуда родом? Из... Тенебора? Из Лесистой Седловины?

– Ага, из Тенебора, – радостно кивнула она. – А вы?

– Из Корвариса.

– А, с Суrowого Берега, – сказала она все тем же радостным тоном, но на миг согнула правую ладонь в обережном жесте, мол, Шиара, спаси и сохрани.

Варис сделал вид, будто ничего не заметил, и объяснил:

– Мой поезд идет через Тенебор.

– Ага, через Палисад. Там у нас чащобы сплошняком – и на севере, и на западе.

«Поэтому мои предки и не смогли спалить дома твоих предков», – подумал Варис.

– Сам-то я городской, – сказал он, глядя, как продавщица ловко оборачивает футляр и перевязывает его золотистой лентой.

От аккуратно упакованного свертка веяло не механической, а по-человечески теплой заботой. Варис пожалел, что отказался от предложенной цепочки, – на работу девушки было приятно смотреть.

– Ну и я теперь тоже, – сказала она с чистым столичным выговором. – Вам открытку приложить?

– Нет, благодарю вас.

Варис расплатился, спрятал сверток в карман пальто, вежливо поклонился и вышел, краем глаза заметив, как продавщица присела на табурет и вытащила из-под прилавка дешевый авантюрный роман.

Наверное, она живет в одной из многоэтажек на южном берегу Гранда, а может, где-нибудь в доходном доме, вместе с другими продавщицами, приехавшими в столицу из дальних провинций, из своих *cors coris* – родных краев.

Он вернулся в зал и посмотрел на табло – черную доску с прямоугольными отверстиями, куда вставляли карточки с указанием пунктов назначения, времени отправления поездов и номерами платформ. Информация обновлялась постоянно: этим занимались молодые люди, которые, стоя на лесенках позади табло, просовывали карточки в нужные окошки нужной стороной вверх, «иначе смотри у меня». Поезд Вариса стоял у 8-го выхода, на 16-й платформе. Надписи «ЗАДЕРЖИВАЕТСЯ» пока не было.

У 6-го выхода объявили посадку на поезд в Лозовую, отправлявшийся на восток; за распахнутыми дверями смутно виднелись бетонные перегородки под сводчатой стеклянной крышей и отливающие лаком стенки вагонов.

Каждый выход вел на крытый перрон с платформами по обе стороны; двадцать четыре колеи сначала сплетались в железную косу, а потом расходились по всей стране.

В детстве Варис не знал железных путей. Его отец громогласно отказывался прокладывать рельсы в непосредственной близости от родового замка, заявляя, что крепости для того и строят, чтобы к ним не было легких подходов.

В конце концов железные пути в Корварисе проложили, но главная северная ветка доходила лишь до Гарктона, городка в каких-нибудь пяти стадиях от границы короната, а оттуда протянули узкоколейку к Аннет-Пойнт, рыбацкому поселку на побережье. Поезда двигались по ней медленно, хотя и по очень живописным местам. Разумеется, товарным составам, перевозящим треску, семгу и морских скатов на льду, больше подошла бы скоростная трасса, но для этого требовались долгие переговоры с множеством домовладельцев и горожан, не имеющих единого мнения о преимуществах новой ветки. Ее требовали только рыбаки – нововведение давало им явные преимущества, а вдобавок их не волновали ни оценка земельных участков, ни сумма компенсации, ни изменения, вносимые в кадастровый реестр, – но никто из землевладельцев не стремился пойти навстречу желаниям рыбаков.

Варис направился к 8-му выходу и внезапно остановился.

Он так и не понял, почему заметил ее в толпе; он думал, что она давно уехала, да и мысли его были заняты совершенно другим. Она сидела на скамейке, придерживая локтем кожаный саквояж; холщовая сумка с вензелем Айвори стояла у ее ног. В руках она сжимала книгу.

– Здравствуйте, – сказал Варис.

Коронесса Лумивеста подняла взгляд; напряженное лицо несколько смягчилось.

– Здравствуйте.

– Я думал, вы давно уехали.

– Мой кэб попал в затор. Я опоздала. В гостиницу мне тоже не вернуться, даже если бы там нашлась свободная комната. Есть еще один поезд в западном направлении, мне пообещали на него билет, если, конечно, кто-нибудь откажется.

– Вы едете в... – Варис склонил голову набок и всмотрелся в большую карту лескорийских железных путей на стене. – В Великие Врата?

– Да. Если найдется лишний билет.

– Знаете что, дайте мне слово, что не сдвинетесь с места ровно пятнадцать миним. Прошу вас, никуда не уходите.

– Хорошо.

– Я сейчас кое-что проверю.

– Погодите. Что вы хотите проверить?

– Может ли человек, не обладающий магией, вытаскивать монетки из носа, – сказал Варис и ушел.

У 8-го выхода он без труда отыскал Сильверна – тот был на голову выше всех в толпе, и люди огибали его, разделяясь на два потока, как Гранд в эстуарии, близ дворца. На плече у Сильверна висела длинная кожаная котомка, а у ног стояла кованная сумка; он походил на памятник Путнику-Герою.

На Сильверне были темно-зеленые замшевые штаны и замшевая же охотничья куртка темно-серого цвета, с патронташем и глубокими карманами; шею обвивал плиссированный галстук белого шелка, не сколотый галстучной булавкой.

За долгие годы магия превратила темно-каштановые волосы Сильверна в пепельные с рыжиной, будто гранит с прожилками кварца. Смуглое до черноты лицо было слегка помятым. Левую скулу пересекал еле заметный шрам; некоторые считали, что он придает Сильверну романтический флер. Варис хорошо помнил и эту рану, и шесть сезонов перевязок и чародейского целительства.

Глаза Сильверна, темно-серые, цвета графита, отливали металлом и посверкивали каким-то эфемерным блеском. Свое имя он получил из-за цвета глаз. Как и Агата...

При мысли о ней сердце Вариса сжала невидимая рука. Может быть, это магия; если Агата была не у Странжа, то он не знал, где она находится. Если это чародейство, то без дополнительных сведений сделать ничего не удастся; но сейчас время поджимало.

– Рад, что ты не опоздал, – с хрипотцой пробасил Сильверн, жестко, на восточный манер выговаривая согласные.

Он протянул левую руку ладонью вверх, показывая кольцо на среднем пальце: два витка широкой золотой ленты с черной эмалью.

Варис накрыл его руку своей.

– До посадки еще миним пятнадцать. Может, выпьем чаю? А что у тебя в пакете?

– Мне нужна твоя помощь в заговоре, – сказал Варис.

Сильверн широко улыбнулся:

– О! А там будет место доблести, подвигам, разбитым сердцам и невероятному спасению?

– Да, конечно, – рассеянно сказал Варис.

К широкой улыбке Сильверна добавились широко раскрытые глаза.

– То есть твоя синяя роза – не просто дань моде, aiga?

– У тебя купе на двоих? И Эдея с тобой не едет?

– Да и, судя по всему, нет.

Варис кивнул.

– Что ж, будем брать препятствия по очереди... Так. Стой здесь, никуда не уходи, и если я вдруг тебя потеряю, постарайся меня не терять.

– Вперед, на штурм вершин, мой капитан.

Варис хотел было отмахнуться, но вовремя вспомнил о пакете с плетениками.

– Вот, держи. – Он протянул пакет Сильверну, который взял его обеими руками и коротко поклонился.

Варис протолкался через толпу к Лумивесте. Она посмотрела на него.

– Миледи, для вас нашлось купе, – сказал он и предостерегающе воздел руку. – Одно-местное, исключительно для вас. В нем вы точно доедете до Скибских Левад, а может, и до конечной станции. Если нет, то даю слово, что вам предоставят транспорт. Это весь ваш багаж?

Она рассмеялась и быстро прикрыла рот ладонью.

– Есть еще кофр. Небольшой. В камере хранения.

– Тогда нам надо поторапливаться. Пойдемте.

Он взял холщовую сумку с вензелем Айвори и повел Лумивесту к 8-му выходу.

– Сильверн, позволь представить тебе леди Лумивесту, коронессу Великого Разбойни-чьего Кряжа. Ей нужно срочно уехать домой. Миледи, позвольте познакомить вас с палионом Сильверном, арматьером первой статьи, военным советником Брина-Коли. Сильверн, дай мне твои билеты. И вы, миледи, тоже.

Сильверн немедленно протянул Варису конверт. Лумивеста достала свой билет из кар-машка кожаного саквояжа.

– Опять же, постарайтесь меня не терять, – напомнил Варис, опустил на пол холщовую сумку Лумивесты и ушел.

Сильверн и Лумивеста остались на крошечном островке спокойствия среди толпы.

Немного погодя Лумивеста сказала:

– Палион... и арматьер...

– Зовите меня Сильверн, миледи коронесса, – сказал он.

– А вы зовите меня Лумивеста.

Сильверн кивнул:

– У Странжа всегда рады новым гостям.

– У Стра... я... Погодите, вы понимаете, что он задумал?

– Гм, мне казалось, что да. Вы что, не едете с нами к Странжу?

Лумивеста объяснила, в чем дело.

– А, вот теперь понимаю, – сказал Сильверн. – Давайте-ка мы выпьем чаю, развеемся, и я постараюсь ответить на ваш вопрос.

– Мы не потеряем Вариса?

– Это с вашим-то охотничьим чутьем и моим ростом?

– Откуда вы... – вскинулась она, но осеклась, поджав губы, а потом негромко добавила:

– Охотник охотника чует издали...

– Ну конечно, – сказал Сильверн, словно это было и без того ясно.

Она кивнула и последовала за ним.

Они отошли к чайному ларьку неподалеку и, встав на свободный пяточок у стены, опу-стили на пол багаж и взяли картонные стаканчики с горячим чаем.

– Так вот, – сказал Сильверн. – У меня двухместное купе и нет спутника. У Вариса одно-местное купе. По-моему, он сейчас обменяет наши билеты.

– А, понятно, – сказала она. И улыбнулась.

– Ах, какая улыбка, – сказал Сильверн.

– Он очень упирал на то, что купе исключительно для меня.

– Так оно и будет, – сказал Сильверн. – А он поедет со мной, в двухместном купе. И ваша улыбка почему-то исчезла.

– Но это же вас стеснит.

– Нисколько.

– А он... он любит решать такие затруднения, правда?

– *Aigashté*. Вы очень проницательны.

– Это слово на колианском?

– Да.

– Я никогда не слышала колианского. Брина-Коли для меня – край света.

– Tré shin ye baród.

– И что это означает?

– «Я возношу хвалу тому, кого любит мой друг». Колиане не умеют изъясняться абстракциями. К примеру, они не скажут, что вы красавица, а заявят: «Kestine tseyt, knórowa kneyt sha», то есть «Под вашим взглядом соколы начинают прихорашиваться от зависти».

Она рассмеялась, а потом негромко сказала:

– По-вашему, я та, кого любит ваш друг?

– Я вижу, что он не может этого не желать. Большого я сказать не могу. – Сильверн поднял руку и показал свое кольцо.

– Это... вы консейль.

– Да. Вот, взгляните. – Он раскрыл ладонь.

Плетеное кольцо состояло из пересекающихся кругов и прямых линий.

– Это мечи и щиты, – сказала она.

– Верно. А еще это колеса движителей и тягловые дышла. Эдеа, мой консейль, служит железным путям.

– Эдеа, – повторила Лумивеста.

Это слово означало и «сюрприз», и «чудо».

Она всмотрелась в кольцо.

– Да, сейчас я вижу и то, и другое. Это сделано по вашему эскизу, или... хм... Эдеа...

– Эдеа – женщина. Эскиз придумал Варис. Эти кольца – его подарок.

Лумивеста отпила чаю.

– Жаль, что мы с ним не были знакомы раньше, – с заметной горечью произнесла она.

Она рассказала Сильверну о своей петиции и об ошибках, допущенных при обращении в парламент.

– Люди решают проблемы сообразно своей природе. Вот, к примеру, если бы Варис был другим по природе, то добился бы, чтобы к составу прицепили еще один вагон, специально для нас.

– А это вообще можно?

– Для него – можно.

– Скажите пожалуйста, перитепалион...

Сильверн укоризненно покачал пальцем над па#ром, поднимавшимся из стаканчика.

Лумивеста кивнула.

– Сильверн, а он вообще кто?

– Тот, кто сделает Лескорию лучше, если найдет для этого время. Мой сдержанный, но очень хороший друг. Думаю ли я, что он вас любит, Лумивеста? Спросите лучше, думаю ли я, что вы любите его. Но спрашивайте скорее. Он возвращается.

Варис вручил Лумивесте и Сильверну конверты с билетами.

– Ваш билет до станции Скибские Левады, – сказал он. – Первый спальный вагон, первое купе. Ваш кофр туда уже загрузили. А ты, дружище, поедешь в компании со мной и моим багажом.

– Я рад и тому, и другому, – странно невыразительным голосом сказал Сильверн. – Варис, хочешь чаю?

– Дай-ка я сам куплю на дорожку. – Он указал на пакет поверх ковровой сумки Сильверна. – А это вот как раз нам к чаю. Ну что, пора и на поезд.

Они встали в очередь у выхода к платформам, предъявили билеты контролеру и вышли на перрон. Под тройчатыми стеклянными сводами крыши сквозь неумолчный гул железа резко и глухо звучало эхо голосов и шагов. Слева, на 15-й платформе, стояла открытая вагонетка с ресторанной провизией. В ближнем конце поезда на 16-й платформе последним был салон с застекленными стенками и крышей, за ним – спальный вагон, выкрашенный в темно-бордовые

ливрейные цвета Западных железных путей, с золочеными завитками вокруг окон; путейное полотно было проложено ниже уровня бетонной платформы, поэтому вагонные колеса были едва видны.

В дальнем конце спального вагона, у сцепки, женщина в мундире с медными пуговицами проверяла какой-то механизм, установленный на предыдущем вагоне. Варис остановился и пристально посмотрел на нее.

– В чем дело? – спросила его Лумивеста.

– Прошу прощения, мне на миг почудилось, что это Эдеа, – пояснил он.

– Да, похожа, – сказал Сильверн. – Но меня так легко не проведешь.

– Вы же говорили, что ваша же... ваш консейль служит железным путям, – сказала Лумивеста.

– Ну, она не станционная смотрительница, – сказал Варис.

– Не совсем, – добавил Сильверн.

Другого объяснения Лумивеста не получила.

– А вот и наш вагон, – сказал Варис. – А ваш, миледи, ближе к движителю. Еще дальше – вагон-ресторан. И салон в самом конце. Давайте там и встретимся после того, как у нас проверят билеты.

– Хорошо, – сказала Лумивеста.

Варис и Сильверн вошли в вагон, свернули в узкий коридор налево и остановились примерно в середине. Сильверн открыл дверь и включил электрический свет.

Купе было два шага шириной и втрое больше в длину. Тут стояли два кресла, широкая кровать у противоположной стены, а у входа – туалетная кабинка и ниша со столом. Свет ламп на потолке рассеивался колпаком из рифленого матового стекла.

У внешней стенки купе стояла дорожная сумка Сильверна, а рядом с ним – складной письменный столик Вариса и старый кожаный саквояж-линкмен. Варис наклонился проверить багаж и посмотрел на ковер с узором из мельтешащих разноцветных точек.

– Помнится, Эдее не нравилось это ковровое покрытие.

– Было дело. Обронишь что-нибудь поменьше сапога, в жизни не найдешь. Но пассажиры не любят однотонных ковров. За свои деньги им хочется роскоши.

– А эти ковры выглядят очень дорого, – рассеянно заметил Варис.

– Спроси Эдею, сколько они стоят.

– Гм. У Извора в библиотеке полки ломаются от каталогов с образцами товаров, которые присылают производители – в палате лордов никто не знает, сколько стоит ковровое покрытие или ламповый фитиль. А когда у них спрашивают, то они советуют поинтересоваться в палате общин. И считают это замечательной шуткой.

– Да уж, – сказал Сильверн.

– Лейва... помнишь нашу коридорную с третьего этажа? Она родом с востока.

– Помню.

– Так вот, с разрешения Извора Лейва проводит у него в библиотеке все свободное время и зачитывается этими каталогами, как сказками.

– Как магия направляет душу... – вздохнул Сильверн, подавив смешок, и сел на край кровати. – Три человека, и два купе на троих. Магия направляет душу.

– Я пригласил Извора, но он отказался. По-моему, будь у меня сила, я бы ей воспользовался?

– Ты по-прежнему отрицаешь свой талант.

– Какой талант? Заставлять женщин опаздывать на поезд?

– Гм, о таком я не задумывался. Но теперь, раз уж ты это упомянул... – Сильверн согнул пальцы правой руки и сосредоточился. В глазах полыхнули голубые молнии, руку пронзил

поток света. На ладони возник кинжал с простой квадратной рукоятью и кургузым треугольным клинком, словно бы выточенный из синеватой стали.

– Клинок маловат, – скептически заметил Варис.

– Я не собираюсь никого убивать. – Сильверн разжал пальцы, склонил голову набок, и кинжал рассыпался сполохами света, которые превратились сначала в искры, потом в воздушную рябь, а потом исчезли без следа. – Талант, *hazhna*. В сравнении с тем, о чем ты говоришь, это ничего не значит.

Варис сел в кресло у окна и посмотрел за стекло. Соседняя колея пустовала. На перроне у 9-го выхода пассажиры садились на другой поезд, с темно-зелеными вагонами Северных железных путей. Среди людей на платформе Варис заметил знакомую фигуру Чеглока и мысленно пожелал ему приятно провести время на севере.

Вагон качнулся, послышался пронзительный скрежет, и поезд Вариса тронулся. Варис посмотрел на часы: стрелка коснулась трех. Сильверн растянулся на кровати и, судя по всему, задремал.

Они выехали из-под крыши Гранд-вокзала на дневной свет. Колеса стучали и подскакивали на стрелках – сложных соединениях рельсовых путей. Стрелочники в ярко-красных мундирах быстро, но без суеты переходили от одного стрелочного рычага к другому, переводя остряки – подвижные участки рельсов.

Поезд прошел под одной железной аркой, увешанной сигнальными фонарями, потом под другой, выехал на магистральную колею и прибавил скорость. За окном мелькали кварталы, где жили горожане средней руки; сады и дворики, развешанное для просушки белье, кусты роз, играющие дети; между домами раскинулся парк, на футбольном поле шел матч – и все это довольно далеко от железных путей, за полосой травы и гравия, за стенами и оградами, за узкими улочками.

Потом дома приблизились к колее. Поезд шел через Мидлингтон, окраину на северо-западе столицы, населенную рабочим людом. Здесь не было ни дворов, ни парков, а вывешивать белье на просушку в клубах движительного дыма было бы чистым безумием. Дети играли и тут, на склоне путевой насыпи; они мелькали смутными пятнышками, но, если приглядеться, можно было различить чумазые кривляющиеся мордашки. Поезд прибавил ходу.

В задних стенах домов из камня или из черного кирпича виднелись кривые деревянные и чугунные лесенки и маленькие окошки. Казалось, дома клонятся то к поезду, то от поезда, а там и сям в просветах между стенами мелькали новые стены; на извилистых улицах Мидлингтона, проложенных еще в Среднецарствие, заплутали бы любые враги – будь то чужеземные захватчики или местные бунтовщики, – осмелившиеся напасть на столицу.

Стальная стрела поезда насквозь пронзала и мидлингтонские арки, и мидлингтонские ветра. Один жилой квартал стоял вплотную к путевому полотну, и проносящиеся движители окутывали дома клубами дыма и осыпали золой. Владельцы этих домов заверяли палату общин, что жить там ничем не хуже, чем рядом с кузней или над дубильной мастерской, и что люди долгие годы обитали в таких условиях задолго до строительства железных путей. Вдобавок такого положения дел никто не скрывал, о нем говорило название жилого квартала – Зольник, – и арендная плата там была невысока. Жить в Зольнике никого силой не заставляли, и если бы люди не селились там по своей воле, то дома давно уже снесли бы, чтоб не тратиться на их содержание.

Те же голоса настаивали, что чистильщики обуви, которые поднимают цены на свои услуги, просто лентяи и напрасно переводят гуталин; что с художников, рисующих портреты на тротуарах, необходимо взимать налог за пользование городским имуществом; что лекарства для тех, кто не может их себе позволить, просто затягивают страдания слабых и усиливают их опасность для здоровых. А улицы в рабочих кварталах пусть остаются извилистыми, чтобы не облегчать задачу бунтовщикам.

В Срединных Равнинах и на Севере, там, где добывали уголь, глубоко в шахтах десятилетиями пылали жуткие пожары, а из растрескавшейся земли на поверхность время от времени вырывался горячий серный газ, уничтожая леса и дома.

Жилые кварталы, черные и зернистые, как угольный пласт, темные и тесные, как шахтная штольня, напомнили Варису об этих пожарах. Он отвернулся. Еще немного – и поезд въедет в фабричный район, туда, где работают жители этих кварталов. Как бы ни интересовался Варис промышленными предприятиями, сейчас у него не было желания на них смотреть.

В дверь купе постучали. Сильверн мигом впустил кондуктора, который проверил и прокомпостировал их билеты, поинтересовался, на месте ли багаж, отсалютовал, приложив руку к козырьку фуражки, и вышел.

– Выпьем чаю в салоне? – предложил Сильверн.

– С удовольствием, – ответил Варис.

В салоне, шагов двадцать длиной, стояли мягкие кресла, обитые бордовой тканью и отделанные витым золотистым галуном, и небольшие столики на тяжелых чугунных ножках, со столешницами красного дерева, обрамленными медными поручнями. В дальнем конце салона установили стол побольше – для игры в карты или для расклада Книги. Вдоль стен тянулись полки с книгами и свежими газетами. Боковые стены и торец до самого потолка занимали панорамные окна с рулонными шторками, которые защищали от солнечного света под любым углом – правда, лишь в тех случаях, когда их опускал старший проводник, потому что пассажирам было не под силу разобраться с подъемно-спусковым механизмом.

Узор ковра – размашистые черные, золотые, оранжевые и красные завитки – Варису нравился больше, чем пестрые ковры в купе. Очевидно, в салоне предполагалось создать не атмосферу уюта, а ощущение мощи и движения. С потолка, обшитого лакированными панелями из светлого дерева, свисали четыре медные люстры, в которых горели затененные абажурами электрические лампы, а над столиками висели яркие светильники поменьше.

Электрическое освещение в поезде было намного безопаснее, чем лампы с открытым огнем. Правда, верили в это не все. Время от времени в какой-нибудь газетенке появлялся репортаж под заголовком «ЭЛЕКТРОЛИТ, РАЗЪЕДАЮЩИЙ ПЛОТЬ, ХРАНЯТ В ШАГЕ ОТ СПЯЩИХ ПАССАЖИРОВ!!!». Ожоги ламповым маслом и взрывы газовых баллонов случались повсеместно, но бульварные писаки предпочитали внушать обывателям страх перед электроприборами.

Стоя у задней стенки вагона, Лумивеста смотрела, как за стеклом мелькают заводы и фабричные трубы. Вот мимо пронесся последний металлоремонтный завод, и поезд вышел на западную окраину Листуреля.

– Деревья, – вздохнула Лумивеста, словно и не надеялась снова их увидеть.

У Вариса поднялось настроение: отчасти из-за холмов и рощ, отчасти из-за радости в голосе Лумивесты.

– Вы спросили чаю? – поинтересовался он.

– Да, сейчас принесут, – кивнула она и посмотрела на сверток в руках Вариса. – А что это у вас?

Варис положил сверток на стол.

– У вас есть перочинный нож? Сильверн, надо бы попросить у проводника посуду и столовые приборы.

Он взял у Лумивесты ножичек, раскрыл его и надрезал бумагу; хотел было сохранить уголок с номером кэба, нарушившего правила дорожного движения, но передумал. Простил ради праздника.

На бумаге лежал золотистый плетеник – длинный пирог из тонкого воздушного теста, присыпанный крупными кристаллами сахара; в надрезы проглядывало варенье с ярко-алыми вишенками. Варис невольно вспомнил длинную, до самого пояса, золотистую косу Клеста.

– А зачем это? – спросила Лумивеста.

Сильверн принес стопку тарелок.

– Старинный обычай: чай на дорожку. Варис, отдай даме ножичек. Может, мы и подшучиваем над едой в поездах, но столовые приборы здесь великолепные.

Варис отошел от стола. Сильверн отрезал ломтики пирога, укладывал их на тарелки и передавал Лумивесте, а проводник разложил на столешнице приборы. Изящный вензель государственных железных путей красовался и на фарфоровых тарелках, и на тяжелых серебряных ножах.

Сильверн резал пирог и говорил, не переставая:

– Вот это вам, хороших праздников... Ох, этот чуть раскрошился, вы не против? Доброго вам пути к Богине... Спасибо, мой юный друг, лучше поблагодарите за щедрость моего приятеля... И вам доброго пути... Ну что вы, Богине льстят яства, съеденные в Ее честь...

Когда все расселись по местам, Сильверн спросил:

– И о чем мы сейчас побеседуем?

– Если можно, объясните мне, в чем шутка, – сказала Лумивеста. – Про консейль Сильверна и станционных смотрителей.

– Эдея – старший инспектор государственных железных путей Лескории, с особыми полномочиями, – веско, без напускной важности произнес Сильверн. – То есть она подчиняется только главному инспектору – за исключением того времени, когда она, раз в два года, занимает пост главного инспектора. Одна из задач инспектората...

– ...поддерживать гибкость остова страны.

– Спасибо, Варис. Кстати, как дела у Туроскока? *Valansh*, она может появиться в любом мундире и в любом обличье, дабы проверить, как ведут себя сотрудники железных путей, когда считают, что за ними никто не следит. Миледи-оборотень.

– Да что вы! – воскликнула Лумивеста.

Варис заметил, что пальцы ее левой руки сложились в Веддин оберег.

– Нет, конечно, – ответил Сильверн. – Наведенные чары, не буквальное преображение. Практический талант. – Он доел свой кусок плетеника, допил чай и сказал: – Прошу меня извинить, но я пойду вздремну перед ужином. Ну что, до встречи?

– Разумеется, – твердо сказал Варис.

Сильверн встал, поклонился и вышел. Варис посмотрел на Лумивесту, встретил ее взгляд и внезапно ощутил тяжесть; он слишком хорошо знал это чувство.

Он указал за окно, и она послушно повернулась.

– Это Западный Форт, – сказал Варис, – последнее оборонное сооружение города в эпоху Среднецарствия. Его построил Кестрел Второй, на кварцыйском фундаменте. Видите, фундамент квадратный, а не круглый, как у настоящих среднецарственных крепостей.

Они заговорили о фортификационных сооружениях. Лумивеста описала свой фамильный замок – скопление прямоугольных зданий, способных выдержать и долгую осаду, и снежную зиму. Варис рассказал о крепости Корварис, стоящей на утесе в трех сотнях шагов от берега; туда добирались по перемычке, которую можно с легкостью перекрыть или разрушить.

– Похоже, родное имение вам нравилось, – сказала Лумивеста.

– Конечно. А вам?

Она откинулась на спинку кресла.

– В юности я очень любила охоту – да и сейчас люблю, но теперь это благородная охота, все очень чинно и степенно. А в те годы я охотилась в одиночку, на оленей или на рысей. Прятала где-нибудь обувь и верхнюю одежду...

Варис сразу же представил себе ее обнаженной, на поляне среди хрустальных дождевых струй и звериных запахов, живое воплощение Корис, Богини, в существование которой он

отказывался верить. Перед мысленным взором возникли босые ноги, ступающие по следу мохнатых золотистых лап (ступавших по ее следу) на черных камнях в темном ущелье его разума.

Из этого образа выкристаллизовалась мысль. Варис извинился и ушел в купе.

Сильверн сразу же проснулся.

– Тут у меня возникла очередная мысль о том, как тебе потратить время, – сказал он.

– У тебя очень плохая привычка говорить «потратить», когда ты подразумеваешь «вложить».

– Никакой разницы. Я подумал об охоте.

– Да? – В вопросе Сильверна таилось множество смыслов.

– Как ни странно, на эту мысль меня натолкнул новый ферангардский посланник.

– Погоди-ка, мой мозг отказывается это воспринимать. Ферангардский посланник?

– В разговоре со мной он мельком упомянул охоту, и почему-то в Корварисе. Но в Великом Разбойничьем Кряже охотничьи угодья намного лучше.

– Верно, – терпеливо подтвердил Сильверн.

– Там прекрасное место для охотничьей заимки, так ведь?

– По-моему, да.

– А заметна ли разница между геодезической съемкой для строительства заимки и общей военно-топографической съемкой?

Сильверн просиял:

– На первый взгляд – нет, да и на второй тоже.

Варис кивнул. Он сел в кресло и сразу же задремал, склонив голову.

В следующий миг он почему-то оказался на кровати, в расстегнутой одежде и без сапог.

Сильверн сидел в кресле и читал. В купе горел свет, за окном было темно.

– *Kes'barod*, – сказал он.

– *Barchei*, – отозвался Сильверн. – А по-колиански ты говоришь с жутким акцентом. Я хотел поменяться купе с дамой, но... в общем, сам не знаю, почему этого не сделал. Наверное, чтобы не упустить возможность отужинать в вашей компании. Давай, одевайся и пойдем в вагон-ресторан, проверим, чем кормят в поезде.

– Да, конечно. Пока я собираюсь, предупреди Лумивесту, пожалуйста.

Сильверн хотел что-то сказать, но просто кивнул и вышел.

Вагон-ресторан освещали электрические свечи на столах под белоснежными скатертями. Ужин, хоть и не превосходный, оказался вполне сносным: запеченная ягнятина, говядина с подливой, два сорта неплохого вина. Лумивеста посоветовала газированную минеральную воду из своего короната; вода, чуть солоноватая, отдавала имбирем. Варису хватило одного стакана, но он решил, что Извору должно понравиться.

Официант принес ягодный флан, крепкий чай и бренди для Сильверна. Следующий час прошел в неторопливой беседе о полузабытых яствах и напитках.

– Что ж, – наконец сказал Сильверн. – Прошу меня извинить, но я снова удалюсь на покой. Доброй ночи, досточтимые друзья.

– Погоди, – сказал Варис. – Я с тобой, чтобы потом не будить.

– Ничего страшного, – отмахнулся Сильверн, но Варис уже встал из-за стола.

– До завтра, миледи, – сказал Варис, протягивая руку Лумивесте. – Ну и денек сегодня выдался.

– Да уж, – сказала она, легонько коснувшись его пальцев.

Варис с Сильверном вернулись в купе. Варис тяжело опустился в кресло у окна и расстегнул пуговицы жилетки.

Сильверн прислонился к стене, сложив руки на груди.

– Ты и дальше намерен упорствовать? Это бессмысленно и очень неудобно.

– Через два дня я увижу Агату.

– Вот об Агате я и думаю. Для чего тебе еще и эта напряженность?

Варис сидел, не двигаясь. Сильверн укоряющим перстом указал на его сцепленные руки. Варис с удивлением заметил, что костяшки его пальцев побелели.

– В твоем купе тоже есть кресло, – сказал Сильверн. – Если тебе и правда хочется ломать комедию, я готов ссудить тебе меч, проведешь ночь в целомудренном бдении. – Помолчав, он негромко добавил: – А я останусь здесь. Если она дерзнет посягнуть на твою честь, ты только позови, и я приду тебе на помощь.

– А смысл? – сказал Варис в стену.

– Никакого, если тобой движет сила.

– Я родился без магических способностей. И, кстати, не заявляю, что не рожден на свет, а сотворен. И даже не добыт из-под земли.

– Не надо так, Варис.

– Тебе, может, и не надо, – сказал он, глядя в окно. – Тем не менее это аспект реальности. По правде говоря, я не такой, как другие; но, в сущности, кто такой, как другие? – Варис отвернулся от окна и посмотрел прямо на Сильверна. – Вот вы с Эдеей непохожи. Но у ваших отличий есть чудесная сопоставимость.

– Как и у вас с Агатой, – сказал Сильверн тихо, как северянин.

– Это всего лишь видимость.

Сильверн немного повысил голос, но тон его оставался бесконечно спокойным:

– Такая видимость – видимость Богини. – Он сложил левую ладонь так, что длинный большой палец оказался между указательным и средним, а его подушечка оперлась на кольцо с мечами и щитами.

Сильверн смотрел прямо перед собой, за плечо Вариса, за стену купе, в какую-то дальнюю даль; зрачки его расширились – черные опалы, оправленные в сталь. Губы Сильверна шевельнулись, безмолвно произнося: «И тебе». Он заморгал и вздохнул полной грудью.

– Поезд Эдеи проезжает Малый Яр. Она ужинает: пшеничные пироги с курятиной и кувшин сидра. – Он сжал пальцы с кольцом в правой ладони. – Как ты живешь один-одинешенек, Варис? Как существуешь среди неприкаянных душ, зная, что ни один голос тебя не ждет?

Варис задумался, не зная, что сказать. Сильверн принял бы любые слова, даже самые горькие, невозмутимо и спокойно. Не закрывая глаз, Варис видел лицо Лумивесты, обрамленное темными волосами. Он встал и взял свой линкмен.

– Спокойной ночи, друг, – сказал он. – И спокойной ночи другу, которого ты любишь.

– Счастливого возвращения нашим друзьям.

Тусклый свет стеклянных ламп окрашивал лакированные деревянные панели коридора в цвет темного меда. В тамбуре между вагонами курили начальник поезда и какая-то пассажирка; в открытое окно врывался прохладный ночной воздух и мерный стук колес по рельсам. Пассажирка, худощавая и невысокая, курила длинную белую трубку. Увидев Вариса, она вынула из кармана сигару и предложила ему. Он не стал вступать в беседу, а просто помотал головой и направился в соседний вагон.

Подошел к нужному купе. Негромко постучал.

– Да?

– Это Варис. Добрый вечер.

Дверь отворилась.

– А, хорошо, я так и думала, – сказала она, выговаривая слова на западинский манер. – Зайдете?

Он едва не ответил ей на кверцийском, в шутку, но шутка была бы неуместной. Лумивеста говорила не по-столичному вовсе не из кокетства. Он вошел, прикрыл за собой дверь и машинально задвинул защелку.

– И теперь вы меня обезопасили, – сказала она.

Он резко обернулся, едва не задев плечом шкаф.

Длинное одеяние из мягкой черной шерсти, без рукавов, окутывало Лумивесту с головы до босых ног, ниспадая складками к щиколоткам. На кровати, под откинутым покрывалом, виднелись белые простыни с вензелями железных путей в уголках. Лумивеста отступила на шаг и села на краешек кровати, положив руки на колени.

Варис, стукнувшись коленом о кресло, сел и с преувеличенной осторожностью поставил на пол саквояж.

– Раз уж вы здесь, – сказала она, – то почему вы там?

– Чтобы мы с вами могли побеседовать и обдумать наши слова.

– Я прекрасно знаю, что говорю. Мы с вами оба в свете. И уж наверняка оба знаем, как оставлять ложе впусе: матушка обучила меня Веддиной премудрости, когда мне было лет десять... сами понимаете, бандиты и все такое, – произнесла она, словно бы грезя. – Траян, мой отец, тоже наставлял меня с самого детства.

– По-моему, нет никаких сомнений в наших плотских желаниях, – сказал Варис, не зная, поймет ли она все до конца. – Но я забочусь не только о плоти.

– Вы считаете, что это ошибка? – спросила Лумивеста, переходя на формальный столичный говор. – Это может нас скомпрометировать?

– Вряд ли в той же степени, что... – Он помотал головой. – Вы упоминали, что у вас есть кто-то...

– Его это не заденет. И это не предположение. Я точно знаю. – Помолчав, она добавила: – А у вас?

– Нет таких, кого это задело бы, – осторожно подбирая слова, сказал он. – И это не надежда, а совершенно точно.

– Мне нравится ваш северный говор. Очень красиво звучит. Очень... ласково.

– По-моему, вы обо мне слишком мало знаете.

– Тогда расскажите, что мне надо знать. Или я не играю по вашим правилам? – уже мягче спросила она. – Вы хотите переубедить меня и склонить на свою точку зрения? Или будете гонять, пока я сама не сдамся? – Она откинула капюшон, собравшийся складками у горла, тряхнула волосами. Темные глаза по-звериному сверкнули, улыбка больше не казалась игривой.

– Вы помните моего друга, Извору? Главного лорда-парламентария?

– Да, конечно.

– Сегодня я был с ним очень груб, хотя он ни в чем не виноват. Если я способен на такое по отношению к Извору, то...

– Если вы будете грубы со мной, то я вполне способна вышвырнуть вас из купе, и никакая защелка мне не помешает. Допустим, вы действительно без причины нагрубили Извору. И что с того? Я очень резко обошлась с Сильверном через минимум после нашего с ним знакомства. И тоже без причины.

– Правда? – сказал Варис.

– Хотите, чтобы я рассказала первой?

– Наверное, так лучше. Сильверн об этом не упомянул.

– Может, и Извор тоже ни о чем не упомянет. Так вот, Сильверн назвал меня охотницей прежде, чем я успела ему об этом сказать; я сразу же решила, что он чародейством прочел мои мысли. Хотя, конечно же, ничего такого не было. Простое ведовство.

– Сильверн никогда не...

– Знаю. И хватит об этом, – сказала она. – Теперь ваша очередь. Из-за чего вы нагрубили лорду Извору?

– Мы шли по парку и увидели мираклиста. Извор остановился поглядеть, а я... В общем, я повел себя беспардонно.

– Я спрашиваю не как вы себя повели, а почему вы так себя повели.

– Когда я был маленьким, в город по соседству с нашим замком приехал чудесник. Как я сейчас понимаю, был он из тех, что похваляются своим ремеслом и утверждают, будто владеют истинной магией, а не просто показывают фокусы. Он исполнял номер, который называют «Мечта нищего», – выхватывал монетки из воздуха. Взрослым это очень нравится. Дети восхищаются шелковыми платочками и стекляшками, а взрослые... ну, вы сами знаете. Мой отец пригласил его в замок. Чудесник показал фокус с монетками и хвастался напропалую. В конце представления его отвели в спальню, заперли дверь на замок и объяснили, что выпустят лишь тогда, когда он просунет в шелку ровно сто монет. И тогда же накормят и напоят.

– Да, знакомая байка.

– Увы. Мой отец не отличался богатым воображением. В старинной байке король медленно засыпал комнату песком, чтобы мираклист превращал песок в золото, но устроить такое в нашем замке было затруднительно. С тех пор я... избегаю чудесников. Хотя с некоторыми знаком лично и надеюсь, что встречу с одним из них у Странжа. Так что и в этом я очень непоследователен.

– Не важно. А Извор об этом знает?

– По-моему, он... Вот я даже не помню. Тогда я думал, что знает, но теперь мне кажется, что... Ох, это еще хуже...

– Будь по-вашему, – устало ответила она. – Для вас все плохое превращается в еще худшее.

Варис с трудом удержался от согласного кивка, даже в шутку. Особенно в шутку.

– Предлагаю рассмотреть этот вопрос, – сказал он.

– О Корис, да поглотят его волны морские! Прежде чем снять с меня сорочку, он ставит вопрос на голосование. Варис, я тебя умоляю, скажи, чего ты хочешь. Чтобы мы проговорили всю ночь? Нет? Ну тогда... Давай лучше я тебе свою историю расскажу. Дело давнее, боль старая, как и твоя. Хоть в этом мы с тобой не будем одиноки.

– Рассказывай.

– Как ты уже знаешь, я – охотница. В ранней юности, когда я уже кое-что понимала, я отправилась охотиться верхом, с одним из гвардейских корнетов. Он был года на два старше меня, но, в сущности, молодой парень, сын одного из настоящих гвардейцев. Мы провели полдня в лесу, но так и не встретили никакой достойной дичи, а потом остановились на берегу ручья, пообедать. Я помню ручей. День был великолепный, в самом конце лета. – Она отвернулась к окну. – Так вот... Мы пообедали, еще чуть-чуть посидели, и он предложил мне развлечься... ну, как парочки развлекаются. Я знала Веддину премудрость, он сказал, что тоже ее знает; вода для омовения была рядом... По-моему, он был таким же неопытным, как и я.

Лумивеста повернула голову, сжала пальцами край кровати.

– Я предложила ему начать с другого развлечения: я отправлюсь за ним в погоню, пешком, не верхом. Без лука. Как в старинном сказании о Корис и олене.

– Да, знаю, – сказал Варис.

– Если я его поймаю, то он – мой трофей. Если ему, оленю, удастся сбороть меня, охотницу, то пусть поднимает меня на рога, так сказать.

– Ну да.

– Я завела ему руки за спину, связала их тетивой, сорвала с него рубаху. Он этого не ожидал. Я сказала, что олени по деревьям не лазят. И тогда на его лице... – Она с горечью вздохнула. – Зачем он мне это предложил?

– Продолжай.

– «Смотрела вслед и до сотни сочла, ни конь ей не нужен был, ни стрела, меж холмов и лесов скользила, как тень, и еще до заката пал олень», – процитировала она, глядя Варису в глаза. – Так нечестно, конечно. Я могла целыми днями бегать по лесам, и босой, и нагой.

Будь он оленем, я бы его загнала. Но у гвардейского жеребенка не было ни шанса. Наконец я решила, что пора заканчивать. Он выбежал на поляну и привалился к валуну, пытаясь отдышаться. Я думала, он будет сопротивляться, напустит на себя угрожающий вид или, наоборот, поймет, что ничего не поделаешь и попытается меня разжалобить. Но он просто упал навзничь, с руками, связанными за спиной. Я смотрела на него, исцарапанного и окровавленного, а он глядел на меня блестящими глазами, понимая, что он – моя добыча. Это понимание читалось в его взгляде.

Варис коснулся ее руки. Он знал, что произошло потом; в этом была вся их сущность.

– И ты его убила.

– Он застонал лишь раз, когда я перерезала ему горло. Я подвесила его вниз головой, чтобы спустить кровь – как на любой охоте. А потом вернулась к лошадям и отвезла тело домой.

– Ты знала, что будет дальше?

– Да, я знакома с судом коронов. Но я никогда об этом не задумывалась. Заседание суда прошло, как во сне: я знала, что произойдет, за миг до того, как оно происходило, но не могла ни помешать этому, ни остановить происходящее. Правдопытательница – чародея...

– На севере их называют веритатами, это одно и то же. Продолжай.

– Она была у нас целительницей, я тебе говорила.

– Да.

– Разумеется, я сказала всю правду. Дал ли он согласие? Да, на игру. Дал ли он согласие играть со связанными руками? Нет, я его заставила. Потом меня спросили, возражал ли он. И я сказала, нет, не возражал. В общем, его матери выплатили фунт золота.

– А его отец вернул половину полученного, – негромко заметил Варис.

Лумивеста медленно кивнула, чуть сузив глаза, и Варис по собственному опыту догадался, что она сдерживает слезы.

– Эта история не для ушей столичных жителей, – сказала она. – Но мне кажется, ты ее поймешь.

– Именно поэтому ты испугалась, что Сильверн прочел твои мысли.

– Да. А теперь переходим к голосованию: ты меня хочешь?

– Да.

– Принято единогласно.

Она порывисто потянулась к нему и обняла; обнаженная нога прижалась к его икре, сначала холодая, потом согревая; его тело внезапно охватила болезненная скованность. Голову сдавило от притока крови, глаза зашипало; он схватил ее запястье и прижал ладонь к своим губам, покрывая пальцы жадными поцелуями; другой рукой она его высвобождала. Он выпустил ее, приложил руки к вискам и сдал себе голову, слыша стон Лумивесты как будто сквозь шум водопада, пытаясь через ее наслаждение избавиться от пульсирующей боли в голове, боясь передать ей свою боль через касание, симпатически. Ее пальцы, привыкшие к мечу, обхватили его запястья, ласково надавливая на беснующиеся толчки пульса; она направила его незрячие руки к подолу мягкого шерстяного одеяния, подтянутого до колен, и оттуда он легкими касаниями начал подниматься все выше, к откровению.

Ему хотелось быть нежным, но он не мог, ему было слишком больно; он хотел доставить ей наслаждение искусно, философично, восхищаясь ее откликом, контролируя себя, – но она не позволяла, перекрывая вздох вздохом, стон стоном, пребывая в свете, как говорили на Западе.

Боль растворилась в крови и воде. Соль ее осушила. Сладость утолила общую рану.

– Посмотри, – сказал Варис и чуть отодвинулся, чтобы Лумивеста могла взглянуть в окно.

За стеклом густой белый туман затянул зеленые поля и холмы. Дымка перламутрово переливалась, а на каменных стенах и сланцевых крышах поблескивала роса. Стадо белых овец с черными мордами напоминало обрывки тумана, скучившиеся в загоне.

Лумивеста окинула все нежным счастливым взглядом и поцеловала Вариса.

– Где мы?

– В Красногорье. Сейчас около семи утра. Мы вот-вот прибудем в следующий коронат – Кедран, на станцию Три Кедр. Там состав будет загружаться углем и водой, мы стоим часа два.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.